

ПРОБЛЕМЫ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИЦИЛИИ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ 25 ЛЕТ

Раскопки и открытия последних десятилетий в Сицилии коснулись греческих колоний как изучавшихся в прошлом (Мегира Гиблейская, Гела, Наксос), так и ранее никогда не раскапывавшихся (Моргантина, Гимера). К традиционному изучению греческих городов добавляется массовое исследование сикульских и в последнее десятилетие элимских центров (рис. 1), значительно углубляющее ту проблему взаимоотношений местного и греческого населения, без решения которой изучение греческой колонизации не может быть полным.

С 50-х г. на территории Сицилии начинается широкое изучение догреческих центров. Новые данные и переосмысление того материала, который был получен еще П. Орси в начале века, но должным образом не осмыслен вследствие его единичности, меняют наши представления о раннесицилийской истории. Раскопки 50-х годов, по мнению такого компетентного специалиста, как Д. Адаместеану, становятся решающими для составления совершенно новой топографической карты древней Сицилии, намного более насыщенной, чем существовала до 1950 г., и включившей в себя многочисленные центры, рассеянные по всему острову¹. Новый вклад вносится также в вопрос о смене культурных фаз в догреческий период и намного конкретнее становится знание этих центров в наиболее интересный для нас период, непосредственно предшествующий греческой колонизации и ей современный.

Особенно значительные результаты дали в этом отношении работы в южной части Центральной Сицилии, где раскопками, проводившимися с 1951 г. сначала Д. Адаместеану, затем П. Орландини, П. Гриффо, Э. де Миро, была тщательно исследована километр за километром вся территория долины Гелы и обнаружено множество местных сикульских поселений, большинство из которых оказалось после основания Гелы и затем Агригента в фарватере политики этих греческих колоний (рис. 1 и 2)².

Хотя еще П. Орси исследовал часть долины Гелы и выявил отдельные центры (Манфрию, Сетте Фарине, Монте Дезуери, Бутеру, Монте Буббонию), которые должны были показать важность этой зоны для понимания греческой экспансии в глубь острова, раскопки начала века были слишком фрагментарными, чтобы можно было думать о каких бы то ни было обобщениях. Более того, история отдельных поселений нередко вследствие их недостаточной изученности представлялась в ошибочном свете: так, в Бутере Орси находил первые следы заселения лишь в IV в. до н. э., тогда как сейчас доказано, что этот сикульский центр восходит к VIII в. до н. э.³; Монте Буббонию он считал лишенной фортификации (*πολις ἀσείχιστος*), тогда как сейчас линия греческих укреплений раскрыта более чем на 5 км⁴ и т. п. Но главное достижение новых раскопок — не столько в устранении имевшихся неточностей, сколько в изучении на обширном материале общей проблемы проникновения влияния родосско-критской колонии Гелы в глубь Сицилии. По существу впервые была сделана попытка пролить свет не только на основание колонии, но и на историю всей территории, с нею связанной. Наряду с этой основной задачей, стоявшей перед исследователями, само изучение местных центров не могло не внести существенного вклада в проблему смены цивилизаций на протяжении всей истории их существования⁵.

¹ D. A d a m e s t e a n u, Sicilia. Topografia storica, EACO, 7, 1966, стр. 258.

² D. A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles à Géla et dans l'arrière-pays, «Revue archéologique», 49, 1957, стр. 147—172.

³ A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles..., стр. 155; D. A d a m e s t e a n u, Milingiana (Butera), «Atti di Accademia Nazionale Lincei, Notizie degli Scavi» (далее — NS), XII, 1958; стр. 350—352.

⁴ A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles..., стр. 165; P. G r i f f o, Aspetti archeologici della provincia di Caltanissetta, Agrigento, 1955, стр. 25.

⁵ A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles..., стр. 147; G r i f f o, Aspetti archeologici..., стр. 23—24; P. G r i f f o, Recenti scavi archeologici in Sicilia. Problemi e risultati, «Kokalos», X—XI, 1964—1965, стр. 157.

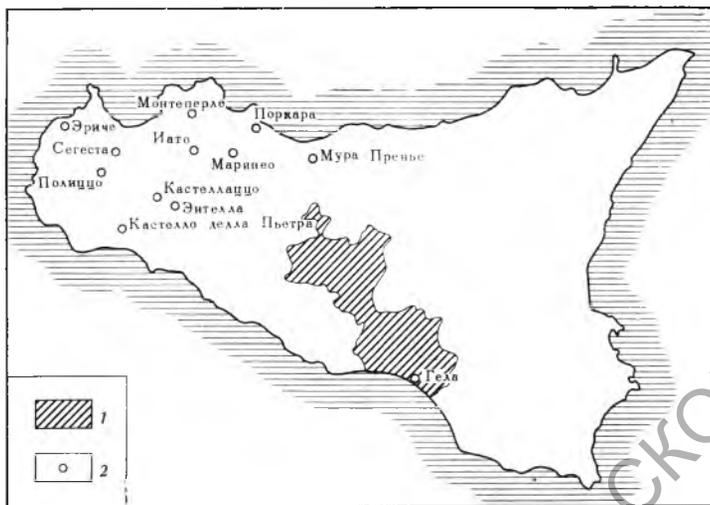

Рис. 1. Карта Сицилии. 1 — зона исследований вокруг Гелы; 2 — элимские центры Западной Сицилии

Рис. 2. Район археологического исследования ввнутренней территории Гелы (по Д. Адаместеану)

Следы заселения, начиная с бронзового века, были обнаружены в Монте Дезузино (могилы ранней бронзы типа Кастеллуччо)⁶, Сабучине⁷ и Джибиль-Габиб⁸ (керамика типа Кастеллуччо), Вассаладжи (несколько хижин ранней бронзы)⁹, Сан-Мауро ди Кальтаджироне (поселение и керамика)¹⁰; следы хижин и могил средней бронзы были обнаружены в Кастеллуччо ди Марианополи¹¹ в Приорато¹², значительная концентрация сикулов в бронзовом веке прослеживается в Панталике¹³, к концу бронзового века относится возникновение Минео¹⁴.

Начиная с XIII в. до н. э. население скапливается в районах, укрепленных природой, тогда как все стоянки, лежащие в долинах, исчезают¹⁵. Это соответствует античной традиции: центры местного населения Диодор (V, 6) наблюдал как раз в наиболее укрепленных, безопасных местах.

Тип такого поселения, занимающего возвышение, где к жилому центру ведет единственный путь, прегражденный земляным валом, был известен и раньше по примеру Панталики, Монте Финоккито, Модики и Рагузы, исследованных еще П. Орси в конце прошлого — начале нашего столетия. Но обилие таких центров, раскопанных в 50-х годах, позволяет сделать обобщающий вывод: поселения этой эпохи следует искать на всех холмах, окруженных равниной и имеющих источник¹⁶. Таковы все возникшие на протяжении XIII—VIII вв. центры. Это Сан-Анджело Муксаро и Полицелло, характеризующие сам тип культуры Юго-Западной Сицилии протоисторического и архаического периодов: типичная для Сан-Анджело Муксаро керамика с росписью по красному фону и для Полицелло с белыми схематизированными фигурами людей и животных на черном фоне¹⁷. К той же культуре Сан-Анджело Муксаро и Полицелло относят по керамическому материалу Монте Раффе¹⁸, Балате ди Марианополи¹⁹, Каподарсо²⁰, Терравекью ди Кути (Пассо ди Ландро)²¹, Кассар, где систематические раскопки, правда, еще не начинались, но зондажами в соединении со случайными находками установлена интересная серия фигурных бронз, уникальных по своему типу для архаической Сицилии, хотя и имеющих параллели в керамическом производстве Полицелло, Сан-Анджело Муксаро, Кастеллацо ди Марианополи и Вассаладжи, на основании которых Кассар относят к фазе Сан-Анджело Муксаро²².

По типичности позиции можно назвать также такие центры, как Бутера, Монте Буббония, Монте Сан-Катальдо ди Кальтаджироне, Терравекья ди Граммикеле, Монте Сарачено, Монте Навоне, Монтанья ди Марцо, Монте Манганелло, Копцо Музузино, Читаделла ди Айдоне, Кокколониццо ди Таормина, Метапиккола, Панталика, Монте

⁶ D. A d a m e s t e a n u, Scavi e ricerche archeologiche a Monte Desusino, NS, XII, 1958, стр. 335—350; D. A d a m e s t e a n u, Desusino, EACO, 7, 1966, стр. 271.

⁷ D. A d a m e s t e a n u, Scavi e scoperte nella pianura di Gela, NS, X, 1956, стр. 203.

⁸ D. A d a m e s t e a n u, Gibil-Gabib (Caltanissetta), NS, XII, 1958, стр. 387—408; D. A d a m e s t e a n u, Gibil-Gabib, EACO, 7, 1966, стр. 271.

⁹ D. A d a m e s t e a n u, Vassallaggi, EACO, 7, 1966, стр. 276.

¹⁰ D. A d a m e s t e a n u, Monte S. Mauro di Caltagirone, EACO, 7, 1966, стр. 273.

¹¹ D. A d a m e s t e a n u, Castelluccio di Marianopoli, EACO, 7, 1966, стр. 269.

¹² A d a m e s t e a n u, Scavi e scoperte..., стр. 203.

¹³ R. P e r o n i, Per una distribuzione in fasi nelle necropoli del II periodo siculo a Pantalica, «Bolletino Paletnologia Italiana», 65, 1956, стр. 387; G. V. G e n t i l i, Pantalica, EACO, 5, 1963, стр. 938.

¹⁴ D. A d a m e s t e a n u, Mineo, EACO, 7, 1966, стр. 272.

¹⁵ A d a m e s t e a n u, Sicilia..., стр. 258.

¹⁶ Там же, стр. 258 сл.

¹⁷ D. A d a m e s t e a n u, Polizello, EACO, 6, 1965, стр. 282; D. A d a m e s t e a n u, S. Angelo Muxaro, EACO, 7, 1966.

¹⁸ G r i f f o, Aspetti archeologici..., стр. 27; D. A d a m e s t e a n u, Monte Raffae, EACO, 7, 1966, стр. 273.

¹⁹ A d a m e s t e a n u, Balate di Marianopoli, EACO, 7, 1966, стр. 268.

²⁰ G r i f f o, Aspetti archeologici..., стр. 26—27.

²¹ D. A d a m e s t e a n u, Terravecchia di Cuti (Passo di Landro), EACO, 7, 1966, стр. 275; E. M i l i t e l l o, Terravecchia di Cuti, Palermo, 1960.

²² D. A d a m e s t e a n u, Kassar, EACO, 7, 1966, стр. 271.

Финоккито, Модика, Рагуза, Монте Джудекка, Рокка ди Чефалу, Монте Кавалли, Монте ди Сан-Джузеппе Иато ²³.

Наряду с центрами, вновь возникшими на вершинах холмов, не прекращается жизнь и в тех из поселений бронзового века, которые уже тогда лежали на высотах: Вассаладжи ²⁴, Джибиль-Габиб ²⁵, Сан Мауро ди Кальтаджироне ²⁶, Монте Дезузино ²⁷, Сабучина ²⁸, Кастеллуччо ди Марианополи ²⁹.

Поселение этой фазы состоит из хижин овальной или прямоугольной формы, причем прямоугольный тип получает все большее распространение по мере приближения ко времени греческой колонизации ³⁰. Последними раскопками, проводившимися в Вассаладжи, догреческой Моргантине и Сабучине, где хорошо прослеживается чередование фаз, выяснено, что центры такого рода начали формироваться уже с XIII в. до н. э. и что формирование их продолжалось вплоть до начала греческой колонизации ³¹.

Возникает вопрос о причинах такой концентрации населения в укрепленных приростной зонах, ранее большей частью незаселенных. Д. Адаместеану объясняет это тем, что «Сицилия не остается в стороне от передвижения народов, движущихся с италийского полуострова» ³². И действительно, археологический материал подтверждает приростные сиколов, моргетов и авонов, о которых говорит Диодор (V, 7), этих носителей апеннинской культуры, совершенно отличной от культур, развивавшихся на острове до XIII в. до н. э. О сикольском заселении Сицилии в XIII в. до н. э. говорит и Э. Манни, базируясь на анализе литературных источников ³³. Одновременно благодаря исследованиям Л. Бернабо Бреа приобретают новый смысл факты появления микенского и послемикенского материала на ионическом и тирренском побережьях: толосовые могилы Сан-Анджело Муксаро, трудно объяснимые раньше, говорят, по мнению Адаместеану, о наличии в этой зоне неместных правителей, и следовательно, о переселении в Сицилию довольно компактных групп пришельцев из эгейского мира ³⁴.

Иными словами, выявляются те два элемента, которые объясняют одновременно и концентрацию населения на высотах и культурные изменения в Сицилии XIII в., обнаруженные в результате интенсивного исследования догреческих центров ³⁵.

Интересный материал дает изучение догреческих центров и для осмысления взаимоотношений греческого и местного населения в ходе начавшейся в VIII в. колонизации.

С одной стороны, обращает на себя внимание возникновение на высотах целого ряда центров именно в VIII в. до н. э. (Полицелло, Монте Буббония, Бутера, Монте Раффе, Коццо Музузино и др.), что может свидетельствовать о вытеснении местного населения новыми пришельцами. С другой стороны, в подавляющем большинстве местных поселений греческое влияние начинает обнаруживаться, как правило, только с VI в. до н. э. О VII веке до н. э. можно говорить лишь для Монте Сарачено, Бутеры и Монте Сан-Мауро ди Кальтаджироне. Раскопками 1973 г. в Монте Сарачено выявлено, что уже с середины VII в. до н. э. появляется греческий импорт и сама местная

²³ A d a m e s t e a n u, Sicilia..., стр. 259.

²⁴ A d a m e s t e a n u, Vassallaggi..., стр. 276.

²⁵ A d a m e s t e a n u, Gibil-Gabib (Caltanissetta), стр. 387—408; A d a m e s t e a n u, Gibil-Gabib, стр. 271.

²⁶ A d a m e s t e a n u, Monte S. Mauro di Caltagirone..., стр. 273.

²⁷ A d a m e s t e a n u, Desusino..., стр. 271; A d a m e s t e a n u, Scavi e ricerche..., стр. 335—350.

²⁸ A d a m e s t e a n u, Scavi e scoperte..., стр. 203; P. O r l a n d i n i, Sabucina, La seconda campagna di scavo, «Archeologia classica», 1965, стр. 133—140; E. D e M i r o, Soprintendenza alle antichità di Agrigento, в разделе «Scavi e scoperte», «Studi Etruschi», 42, 1974, стр. 547.

²⁹ A d a m e s t e a n u, Castelluccio di Marianopoli..., стр. 269.

³⁰ A d a m e s t e a n u, Sicilia..., стр. 259.

³¹ Там же; D e M i r o, Soprintendenza alle antichità..., стр. 547.

³² A d a m e s t e a n u, Sicilia..., стр. 259.

³³ E. M a n n i, Sicelo e l'origine dei Siculi, «Kokalos», III, 1957, стр. 156—164.

³⁴ A d a m e s t e a n u, Sicilia..., стр. 259.

³⁵ Там же.

керамика приобретает следы воздействия керамики протокоринфской³⁶. Для Монте Сан-Мауро ди Кальтаджироне еще в 50-х гг. засвидетельствовано появление в конце VII в. до н. э. типичных для Гелы погребений и керамики³⁷. Тогда же было установлено греческое влияние на Бутере во второй половине или даже четверти VII в. до н. э.³⁸. Но Бутера была наиболее важным стратегическим центром, доминировавшим над всей равниной Гелы, и она должна была рано привлечь внимание колонистов с военной точки зрения. Слои VII—VI вв. в некрополе Бутеры дает погребения чисто греческого типа. Находимая здесь керамика и по составу и по характеру декора дает основание думать, что речь идет об архаическом производстве Гелы. Одновременно найдены фаянсовые скарабей и коринфские и аргосские сосуды, т. е. керамика гельского производства сочетается с импортом из Балканской Греции. Кроме того, выделяется ряд сосудов, отличающихся и от гельского и от балканского производства как глиной, так и украшениями: эти сосуды, выполненные намного менее тщательно, приписываются производству самой Бутеры³⁹.

Одно из погребений позволяет установить начало связей Бутеры с крито-родосцами Гелы: наряду с 43 сосудами производства Гелы или Бутеры оно содержит два протокоринфских скифоса, восходящих к середине VII в. до н. э. Это самое раннее для Бутеры свидетельство о связях с побережьем: непосредственно под слоем, в котором сделана эта находка, тщательно обследовав слой, судя по погребениям и керамике типично сикульский, начинающийся с середины VIII в. до н. э. и не содержащий ни одного греческого предмета — свидетельство того, что греки, еще не начавшие проникновения в глубь острова, на холме Гелы не появились⁴⁰.

Отсутствие следов греческого влияния до VI в. до н. э. в остальных местных центрах свидетельствует, по мнению Адаместеану, о значительности местной оппозиции греческим колонистам в VIII и даже VII в. до н. э.⁴¹.

Резко меняется картина начиная с VI в. до н. э. Греческая керамика и местное производство, ее имитирующее, проявляется в большинстве негреческих центров: Кастеллаццо ди Пальма ди Монтекьяро⁴², Вассаладжи⁴³, Монте Раффе⁴⁴, Сабучине⁴⁵, Джибиль-Габбе⁴⁶, Монте Навоне⁴⁷, Минео⁴⁸, Кастеллуччо ди Марианопо-

³⁶ E. De Miro, Soprintendenza alle antichità di Agrigento, Monte Saraceno, «Studi Etruschi», 42, 1974, стр. 545—546.

³⁷ A d a m e s t e a n u, Monte San Mauro di Caltagirone..., стр. 273.

³⁸ A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles..., стр. 163; D. A d a m e s t e a n u, Contributo dei rodio-cretesi alla ellenizzazione della Sicilia, «Annali di Accademia Mediterranea», I, 1952—1953, стр. 11—18.

³⁹ D. A d a m e s t e a n u, Monte Saraceno e il problema della penetrazione rodio-cretese nella Sicilia meridionale, «Archeologia classica», VIII, 1957, стр. 145—146; D. A d a m e s t e a n u, Butera, «Monumenti antichi», 44, 1958, стр. 204; P. G r i f f o Bilancio di cinque anni di scavi nelle province di Agrigento e Caltanissetta, «Atti dell'Accademia di scienze Lettere e Arti di Agrigento», vol. III, 1953—1954, стр. 33—34.

⁴⁰ A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles..., стр. 156—159.

⁴¹ A d a m e s t e a n u, Sicilia..., стр. 289.

⁴² A d a m e s t e a n u, Monte Saraceno..., стр. 142—143; D. A d a m e s t e a n u, Rapporti tra i Greci ed indigeni alla luce della nuove scoperte in Sicilia, «Atti del VII congresso internazionale di archeologia classica», II, 1961, стр. 51—52; D. A d a m e s t e a n u, Castellazzo di Palma di Montechiaro, EACO, 7, 1966, стр. 269, 270.

⁴³ A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles..., стр. 174, 175; A d a m e s t e a n u, Monte Saraceno..., стр. 138, 139; A d a m e s t e a n u, Vassalaggi..., стр. 276.

⁴⁴ G r i f f o, Aspetti archeologici..., стр. 27; A d a m e s t e a n u, Monte Raffe, стр. 273.

⁴⁵ A d a m e s t e a n u, Scavi e scoperte... стр. 203; O r l a n d i n i, Sabucina..., стр. 133—140; E. De Miro, Soprintendenza alle antichità di Agrigento. Sabucina, «Studi Etruschi», 42, 1974, стр. 546.

⁴⁶ A d a m e s t e a n u, Gibil-Gabib, стр. 271; A d a m e s t e a n u, Gibil-Gabib (Caltanissetta), стр. 287—408.

⁴⁷ D. A d a m e s t e a n u, I centri indigeni al momento della colonizzazione greca nella Sicilia centro-meridionale, «Bericht über den V Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte», B., 1961, стр. 1—2; D. A d a m e s t e a n u, Monte Navone, EACO, 1966, стр. 273.

⁴⁸ A d a m e s t e a n u, Mineo..., стр. 272.

ли⁴⁹, Балате ди Марианополи⁵⁰, Каподарсо⁵¹, Терравеккья ди Кути (Пассо ди Ландро)⁵², Кассар⁵³ и др.

Судя по результатам исследования некрополей, лежащих вокруг Бутеры, вся полоса на протяжении более 20 км к северу от равнины Гелы составляла в VI в. до н. э. часть гельской территории⁵⁴.

Помимо свидетельств о контактах с греческим миром, вытекающих из изучения керамического материала, на протяжении VI в. до н. э. может быть прослежена непосредственная трансформация значительного числа местных поселений в настоящие греческие полисы (Вассаладжи, Монте Раффе, Джибиль-Габиб, Бутера, Монте Сан Мауро ди Кальтаджироне, Балате ди Марианополи, Монте Сарачено, Каподарсо, Кастеллацци ди Пальма ди Монтекьяро, Кассар, Монте Дезузино, Монте Буббония)⁵⁵.

Мы видим, как меняются ворота местных центров, приобретая греческие черты (Монте Дезузино⁵⁶, Монте Сарачено⁵⁷, Джибиль-Габиб⁵⁸), возникает чисто греческая фортификация. Укрепление Бутеры доминировало над проходом к северу острова. Два других важных укрепления — Дезузино и Миллинджана, вошедшие в сферу влияния Гелы с VI в., обеспечивали контроль над путями проникновения к западу и северо-западу⁵⁹. Особенно значительным был центр Монте Дезузино, в котором периметр стен VI в. выявлен почти на 5 км⁶⁰. Дорога, соединявшая Гелу с халкидской дорогой Катаны и Леонтина, контролировалась двумя другими укрепленными пунктами, в которых археология также дает основания говорить о влиянии Гелы: Монте Буббоний и Монте Сан-Мауро ди Кальтаджироне⁶¹. Монте Сан-Мауро ди Кальтаджироне, по мнению Адаместеану, оставался за пределами собственно гельской территории, во всяком случае в начале греческого проникновения в глубь Сицилии, тогда как Монте Буббония в VI в. до н. э. входила в нее органически⁶².

Раскопки в Монте Буббонии показали линию укреплений протяженностью более 5 км. Эта чисто греческая (судя по типу кладки и по украшению антефиксами в виде горгон) фортификация датируется VI в. до н. э.⁶³. Интерес к центрам, доминирующим над дорогой, ведущей к Леонтине, должен был особенно сильно проявиться в ходе борьбы с этой восточносицилийской колонией, и, видимо, не случайно эллинизация Гелой обоих центров и создание там мощных укреплений совпадает со временем этой борьбы⁶⁴.

Над прибрежным путем между Гелой и основанным ею в 582 г. до н. э. Агригентом доминировало два местных центра: Пьяно делла Читта и Кастеллаццо ди Пальма ди

⁴⁹ A d a m e s t e a n u, *Rapporti tra Greci...*, стр. 51, 52; A d a m e s t e a n u, *Castelluccio di Marianopoli...*, стр. 269.

⁵⁰ A d a m e s t e a n u, *Rapporti tra Greci...*, стр. 51—52; A d a m e s t e a n u, *Balate di Marianopoli...*, стр. 268.

⁵¹ G r i f f o, *Aspetti archeologici...*, стр. 26—27; A d a m e s t e a n u, *Rapporti tra Greci...*, стр. 48—52.

⁵² A d a m e s t e a n u, *Terravecchia di Cuti...*, стр. 275.

⁵³ A d a m e s t e a n u, *Rapporti tra Greci...*, стр. 50—52; A d a m e s t e a n u, *Kassar*, стр. 271.

⁵⁴ A d a m e s t e a n u, *Nouvelles fouilles...*, стр. 163.

⁵⁵ A d a m e s t e a n u, *Scavi e scoperte...*, стр. 203—210; A d a m e s t e a n u, *Sicilia...*, стр. 263.

⁵⁶ A d a m e s t e a n u, *Sicilia...*, стр. 263; G r i f f o, *Aspetti archeologici...*, стр. 25.

⁵⁷ A d a m e s t e a n u, *Monte Saraceno...*, стр. 140, 141; A d a m e s t e a n u, *Sicilia...*, стр. 263.

⁵⁸ A d a m e s t e a n u, *Gibil-Gabib*, стр. 274; A d a m e s t e a n u, *Sicilia...*, стр. 263.

⁵⁹ A d a m e s t e a n u, *Nouvelles fouilles...*, стр. 163.

⁶⁰ G r i f f o, *Aspetti archeologici...*, стр. 25.

⁶¹ A d a m e s t e a n u, *Nouvelles fouilles...*, стр. 164, 165.

⁶² Там же, стр. 163.

⁶³ G r i f f o, *Aspetti archeologici...*, стр. 25, D. A d a m e s t e a n u, *La fortificazione ad aggere nella Sicilia centro-meridionale*, «Atti Accad. Naz. Lincei», *Rendiconti*, XI, 1956, стр. 358—372; A d a m e s t e a n u, *Nouvelles fouilles...*, стр. 165.

⁶⁴ Там же, стр. 170.

Монтекьяро. Как показали раскопки 50-х гг., в обоих этих центрах начало контактов с греческим миром совпадает с влиянием Гелы, затем, уже в правление Фаларида, они становятся оплотом экспансии Агригента и полностью входят в политическую орбиту этой гельской колонии ⁶⁵.

Оплотом агригентского продвижения в сторону Гимеры большинство исследователей считает Кассар ⁶⁶. Такую же роль играло поселение Терравеккья ди Кути (Пассо ди Ландро); контакты с греческим миром, прослеживающиеся в этом центре с первой половины VI в. до н. э., совпадают с тем давлением, которое осуществляет Агригент в правление Фаларида как в направлении Гимеры, так и в сторону рек Белличе и Сальсо. Поселение Терравеккья ди Кути на позиции, контролирующей дорогу от центра острова через долину Белличе к Гимере, должно, по мнению итальянских археологов, рассматриваться «как настоящая туземная платформа, занятая греческим элементом на краю агригентской территории» ⁶⁷. Сильное влияние Агригента в том же VI в. до н. э. прослеживается также в Балате ди Марианополи ⁶⁸ и в Вассаладжи, где раскопками 50-х гг. обнаружена на протяжении километра укрепленная стена середины VI в. ⁶⁹. Чисто греческая фортификация раскопана также в Минео ⁷⁰, Монте Раффе ⁷¹, Джибиль-Габие ⁷², Сабучине ⁷³.

Адаптация к греческим формам жизни прослеживается и на самом поселении — его плане и типе построек. Под влиянием или в результате непосредственного присутствия греков местные центры, представляющие первоначально группы неупорядоченно разбросанных жилищ, заимствуют тот тип греческого городского плана, который более соответствует их территории: либо *per strigas* с одним или двумя декуманами, если поселение расположено на плоской террасе (Монте Дезуаино, Монте Буббония) ⁷⁴, либо расположение по террасам, когда оно лежит на склонах холма (Вассаладжи, Джибиль-Габиб, Кастеллаццо ди Поджо Реале, Монте Сарачено, Сан-Джузеппе Иато) ⁷⁵. Поскольку мы видим здесь нередко лучшие образцы Гипподамова плана, Д. Адаместану считает возможным говорить не только о греческом влиянии, но и о наличии греческого ядра населения ⁷⁶.

В ряде центров раскопаны греческие дома и храмы. Первые дома чисто греческого типа, расположенные на террасах и снабженные колодцами и цистернами, мы видим в VI в. до н. э. в Джибиль-Габие ⁷⁷; несколько зданий того же времени раскопано в

⁶⁵ E. De M i r o, Agrigento arcaica e la politica di Falaride, «La parola del passato», XLIX, 1956, стр. 266—268; A d a m e s t e a n u, Monte Saraceno..., стр. 142—143; A d a m e s t e a n u, Rapporti tra i Greci..., стр. 45—52; A d a m e s t e a n u, Castellazzo di Palma di Montechiaro..., стр. 270; A d a m e s t e a n u, Piano della città, EACO, 7, 1966, стр. 274.

⁶⁶ A d a m e s t e a n u, Kassar, стр. 271.

⁶⁷ A d a m e s t e a n u, Terravecchia di Cuti..., стр. 275.

⁶⁸ A d a m e s t e a n u, Rapporti tra Greci..., стр. 51—52; A d a m e s t e a n u, Balate di Marianopoli..., стр. 268.

⁶⁹ A d a m e s t e a n u, Monte Saraceno..., стр. 138—139; A d a m e s t e a n u, Vassalaggi..., стр. 276; E. De M i r o, La fondazione di Agrigento e l'ellenizzazione del territorio fra il Salso e il Platani, «Kokalos» VIII, 1962, стр. 122; G r i f f o, Aspetti archeologici..., стр. 27.

⁷⁰ A d a m e s t e a n u, Mineo, стр. 272.

⁷¹ A d a m e s t e a n u, Monte Raffè, стр. 273.

⁷² Линия фортификации в Джибиль-Габие, составляющая около полутора километров, идет то непрерывной линией (на восточной стороне); то отрезками, приспособленными к естественной неприступности стены. П. Гриффо считает, что укрепления эти скорее всего созданы Агригентом в его продвижении в районы к западу от долины Сальсо, долины, ставшей важной торговой артерией, связывавшей греческие колонии побережья с внутренней территорией. G r i f f o, Aspetti archeologici..., стр. 26. См. также A d a m e s t e a n u, Gibil-Gabib, стр. 271.

⁷³ G r i f f o, Aspetti archeologici..., стр. 27.

⁷⁴ A d a m e s t e a n u, Sicilia..., стр. 263.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ A d a m e s t e a n u, Gibil-Gabib, стр. 271.

Терравеккья ди Кути ⁷⁸; множество домов первой половины VI в. выявлено в Монте Сан Мауро ди Кальтаджироне ⁷⁹. К концу VI — началу V в. относится также целый ряд типично, греческих храмов. Небольшое святилище, декорированное антефиксами в виде горгон, было открыто в Бутере еще П. Орси, но неверно определено им как дворец сикульского царька ⁸⁰. Два греческих храма VI в. раскопаны в Монте Сан Мауро ди Кальтаджироне: один из них украшен антефиксами с горгонами типа постоянно встречающегося в Геле; чисто греческого образца и терракотовые украшения, сохранившиеся от другого храма ⁸¹. Храм VI в., раскопанный в Каstellazzo ди Пальма ди Монтечьяро, украшенный антефиксами с пальметами, также типично греческий ⁸². В Монте Сарачево открыт большой храм с двумя сокровищницами на акрополе и небольшой храмик возле восточных ворот с двумя священными хранилищами, содержащими архаический материал; храм акрополя украшен расписной архитектурной терракотой гельского типа ⁸³. В Терравеккья ди Кути открыт небольшой храм в антах и его сокровищница ⁸⁴. К V в. относится небольшой храм, открытый в Джибиль-Габибе, возле которого найдено множество типично греческой фигурной терракоты. Это самое северное святилище греческого типа, известное на острове ⁸⁵. В начале V же в. до н. э. в зоне Фьюме ди Малло Бутеры возникает храм, сходный с храмом Афины в Гимере ⁸⁶. Совершенно особняком стоит уникальная находка в слое VII—VI вв. до н. э. Бутеры погребального героона, воспроизводящего тип архаической греческой часовни ⁸⁷.

Иногда внутри этих центров, преобразовавшихся к концу VI в. до н. э. в полисы в собственном смысле слова, мы наблюдаем чисто греческие формы жизни: интересна в этом плане находка в Монте Сан Мауро ди Кальтаджироне бронзовой пластины второй половины VI в. до н. э., содержащей закон об убийствах в совершенно халкидском духе ⁸⁸.

Таким образом, новый материал заставляет пересмотреть позиции старой историографии, противопоставляющей греческие полисы побережья чисто местным будто бы поселениям внутренней территории. Поселения, считавшиеся местными, должны, по мнению итальянских археологов, «рассматриваться как небольшие колонии колоний, на которые опирались в своем господстве во внутренней части острова колонии побережья. Наряду с *ἀποικία* побережья они становятся настоящими *κτίσεις* и, следовательно, настоящей греческой заваской в массе местного населения» ⁸⁹.

Помимо центров эллинизованных или находящихся в процессе эллинизации были, как свидетельствуют литературные источники, и другие, которые Диодор (XI, 91) называет укреплениями сикулов *φρούρια τῶν Σικελῶν*, противопоставляя их укреплениям эллинов *φρούρια τῶν Ἑλλήνων*. Это центры, не входящие в территории колоний побережья. Хотя они пока еще изучены далеко не достаточно, уже можно говорить о районах их расположения: это главным образом центры северной части острова, лежащие далеко от Сиракуз, Гелы, Агригента, Селинунта, Гимеры или Мессины. Сосредоточены они в основном у южного подножия Мадонии или в Неброде, на территории, которая вплоть до V в. до н. э. не затрагивалась ни интересами, ни прямым влиянием

⁷⁸ Militello, Terravecchia di Cuti; Adamesteanu, Terravecchia di Cuti..., стр. 275.

⁷⁹ Adamesteanu, Monte San Mauro..., стр. 273.

⁸⁰ D. Adamesteanu, 'Αρχιτορα ο sacelli?, «Archeologia classica», VIII, 1956, стр. 179—186.

⁸¹ Adamesteanu, Monte S. Mauro..., стр. 273.

⁸² Adamesteanu, Castelazzo di Palma di Montechiaro..., стр. 269.

⁸³ Adamesteanu, Nouvelles fouilles..., стр. 161.

⁸⁴ Adamesteanu, Terravecchia di Cuti..., стр. 275; Tusa, Aspetti storico-archeologici..., стр. 93; Militello, Terravecchia di Cuti...

⁸⁵ Adamesteanu, Gibil-Gabib, стр. 271.

⁸⁶ D. Adamesteanu, Fiume di Mallo (Butera), NS, XII, 1958, стр. 379—382;

Adamesteanu, Nouvelles fouilles..., стр. 161.

⁸⁷ Griffio, Bilancio..., стр. 34; Griffio, Aspetti archeologici..., стр. 24.

⁸⁸ Adamesteanu, Monte San Mauro..., стр. 273.

⁸⁹ Adamesteanu, Sicilia..., стр. 263; см. также Adamesteanu, Rapporti tra i Greci..., стр. 45—52; Griffio, Recenti scavi..., стр. 158; Griffio, Aspetti archeologici..., стр. 23.

греческих колоний. О характере такого рода центров мы можем судить по примерам Концо Музузино, Терравеккья ди Пассо ди Ландро или Полицелло. Это чисто местные центры, хотя первые же зондажи выявили в них поверхностное проникновение греческого влияния, выражающегося в основном в имитации греческого производства и отчасти в импорте продукции греческого побережья⁹⁰.

Одновременно выявлены и другие местные центры, не затронутые эллинизацией: Лаванка Нера, Монте Манганелло, Монтанья ди Марцо, Монте Рамага. Хотя и расположенные недалеко от Гелы и на первый взгляд составляющие часть ее территории, они затронуты греческим влиянием значительно меньше, чем многие центры, территориально расположенные дальше, но лежащие на крупных артериях греческого проникновения в глубь острова⁹¹.

Таким образом, раскопки сикульских центров Сицилии, проводившиеся наиболее интенсивно и массово в 50-х гг., интересны прежде всего постановкой проблемы взаимоотношений греков с местным населением, решение которой впервые становится возможным благодаря изучению периферийных зон крупных греческих колоний (особенно Гелы и Агригента).

Явный интерес к взаимоотношениям местного и греческого населения, возникший в связи с изучением догреческих центров, приводит к более внимательному изучению догреческих слоев и при исследовании греческих колоний.

Так, в Геле, изучение которой всегда концентрировалось на греческих слоях, стратиграфическое исследование, предпринятое в начале 50-х гг., приводит к пересмотру самой истории возникновения крито-родосской колонии. После первого сикульского периода, от которого П. Орси обнаружил незначительные следы, холм считался незаселенным вплоть до времени основания греческой колонии; теперь известно, что жизнь никогда надолго не прерывалась на этом удобном для поселения месте и что если какой-то интервал и был, то весьма кратковременный⁹². В архаическом некрополе Ла Палья, частично раскопанном еще Орси, ряд сосудов, в частности скифосы погребения IX, оказалось возможным отнести к концу VIII до н. э., т. е. ко времени, предшествующему 690 году, фиксируемому текстами как год основания Гелы. Концом VIII в. до н. э. датируется и открытая в хранилище Афинейона голова, украшавшая край вазы⁹³. Это позволяет поставить вопрос о том, что основанию Гелы, возможно, предшествовал небольшой эмпорий, созданный на территории местного центра какой-то другой греческой группой, не обязательно крито-родосской⁹⁴.

Ценный материал для понимания соприкосновения местного и греческого населения дают также раскопки Моргантины, которые систематически ведутся с 1955 г. американской экспедицией Принстонского университета⁹⁵. Результаты этих раскопок не только иллюстрируют историю города, но проливают свет на ранее недостаточно хорошо изученные периоды истории Центрально-Восточной Сицилии.

Начало поселения относится к XVIII в. до н. э., от которого в Серра Орланде обнаружены основания круглых хижин, могилы, керамика типа Кастеллуччо. В конце бронзового века с прибытием апенинских племен (XI в. до н. э.) наступает фаза апен-

⁹⁰ A d a m e s t e a n u, Sicilia..., стр. 262.

⁹¹ Там же.

⁹² G r i f f o, Bilancio... стр. 16—32; A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles..., стр. 24—25.

⁹³ D. A d a m e s t e a n u, Molino a Vento: scoperta di una stipe votiva arcaica, NS, XI, 1956.

⁹⁴ A d a m e s t e a n u, Nouvelles fouilles..., стр. 25.

⁹⁵ О раскопках в собственном смысле слова можно говорить только с этого времени, поскольку ни раскопки, проводившиеся в течение нескольких месяцев 1884 г. Папалардо, ни отдельные зондажи, предпринятые в 1912 и 1925 гг. П. Орси, не дали положительных результатов. Сама идентификация Серры Орланды с Моргантиной была предложена лишь в ходе новых раскопок в 1957 г. Предположение это, подкрепленное находками, было подтверждено в 1962 г. надписью, поврежденной, но вполне доступной для чтения, в которой приводилось название древнего города (E. S j ö q v i s t, Serra Orlando, EACO, 7, 1966, стр. 245).

пинской цивилизации, ясно видная по внесенной пришельцами керамике Авзоний II и обилию «импасто»⁹⁶. Моргантина оказывается единственным местом в Центральной Сицилии, где находят авзонскую керамику — факт, придающий, по мнению Э. Сьеквис-та, особую значимость мифографическому свидетельству Страбона (VI, 4,1; VI, 2,4) о миграции из Бруттия в Сицилию моргетов, даввших имя основанному ими городу⁹⁷.

Городская цивилизация Моргантины начинается с прихода греческих колонистов с восточного побережья (возможно, из халкидской Катании) около 560 г. до н. э. Эта стадия в настоящее время основательно обследована, особенно в ходе кампаний 60-х гг. Раскопками выявлена цитадель, являющаяся центром небольшого полиса, раскрыта гражданская архитектура домов, ориентированных по прямоугольной сети улиц, тщательно раскопана агора с целым рядом расположенных на ней общественных зданий⁹⁸. В 1971 г. на участке между агорой и западной частью города раскопан большой комплекс эллинистического периода (100 × 50 м), включающий два круглых помещения, или толоса (северный и южный), окруженных значительным числом прямоугольных комнат с водонепроницаемыми стенами и достаточным количеством стоков; в северном толосе обнаружены фрагменты терракотовой ванны. Сочетание водонепроницаемости, стоков, труб в структуре северного толоса и наличия фрагментов ванны свидетельствуют, что по крайней мере северная сторона была баннным комплексом. Но одновременно находки граффити АФРОДИТ(А)С, вотивных предметов, в том числе в одной из комнат, примыкающих к южному толосу, вотивного бюста Персефоны, а также алтаря (в той же комнате, где бюст Персефоны) позволяют думать, что речь идет не об обычных банях, но о сочетании их со святилищем⁹⁹.

Раскопки подтверждают те этапы жизни греческого города, которые засвидетельствованы литературными источниками: на середину V в. до н. э. (взятие и разрушение города Дукетием в 459 г., Diod., XI, 78) падают следы насильственного разрушения внутренней части архаического поселения; археологические следы второй половины V и первой половины IV в. до н. э. скудны в полном соответствии с данными литературных источников, говорящих о возрождении города лишь при Тимолеоне; и действительно, после 340 г. до н. э. археологически обнаруживаются следы подъема города: вскрыты новые стены длиной более 6 км, прослеживается прямоугольный городской план и вырастающие вокруг агоры общественные и частные постройки; в конце IV в. до н. э. урбанизация идет ускоренным темпом, поощряемая (как известно из Diod., XIX, 6, 2—3) Агафоклом и затем, в III в. до н. э., Гиероном, что четко прослеживается археологически: создание большей части агоры с экклесиастерием, театром, двумя портиками в правление Агафокла; пританея и гимнасия — при Гиероне¹⁰⁰. К эллинистическому же

⁹⁶ E. Sjöqvist, Excavations at Serra Orlando (Morgantina), AJA, 62, 1958, стр. 155—158; E. Sjöqvist, Excavations at Morgantina (Serra Orlando), AJA, 64, 1960, стр. 134, 135; 66, 1962, стр. 140—143; R. Stillwell, Excavations at Morgantina (Serra Orlando), AJA, 67, 1963, табл. 36, рис. 20 (сосуд Авзония II); E. Sjöqvist, Excavations at Morgantina (Serra Orlando), AJA, 68, 1964, стр. 145—146; H. L. Allen, Excavations at Morgantina (Serra Orlando), AJA, 74, 1970, стр. 365—369.

⁹⁷ Sjöqvist, Serra Orlando, стр. 216.

⁹⁸ R. Stillwell, E. Sjöqvist, Excavations at Serra Orlando (Morgantina), AJA, 61, 1957, стр. 151—159; Sjöqvist, AJA, 62, 1958, стр. 158—162; R. Stillwell, Excavations at Morgantina (Serra Orlando), AJA, 63, 1959, стр. 167—171; Sjöqvist, AJA, 64, 1960, стр. 129—133; R. Stillwell, Excavations at Morgantina (Serra Orlando), AJA, 65, 1961, стр. 277—281; Sjöqvist, AJA, 66, 1962, стр. 135—140; Stillwell, AJA, 67, 1963, стр. 163—172; Sjöqvist, 68, 1964, стр. 137—144; R. Stillwell, Excavations at Serra Orlando, AJA, 71, 1967, стр. 245—250; Allen, AJA, 74, 1970, стр. 362—368; 78, 1974, стр. 361—384. О раскопках агоры, театра, центральной части акрополя и жилых кварталов III в. до н. э. к западу от агоры и в северо-восточной части города см. Л. П. Маринович. Обзор последних раскопок в Малой Азии и Италии, ВДИ, 1963, № 1, стр. 128.

⁹⁹ H. L. Allen, Excavations at Morgantina (Serra Orlando), AJA, 78, 1974, стр. 370—381. Раскопки комплекса еще не завершены и смысл его во многом неясен, но если гипотеза о сочетании бань со святилищем подтвердится в ходе дальнейшего исследования, то изучение этого святилища должно пролить новый свет на религиозную практику эллинистической Сицилии.

¹⁰⁰ E. Sjöqvist, I Greci a Morgantina, «Kokalos», VIII, 1962, стр. 52—68; Sjöqvist, AJA, 68, 1964, стр. 141—144.

периоду относится большой комплекс святилища, соединенного с общественными банями¹⁰¹. Засвидетельствована археологически и та кара, которая постигла город за союз с карфагенянами во время II Пунической войны (почти полное отсутствие новых построек, снижение уровня жизни). Гражданские войны конца II в. до н. э. и произвол римских наместников, вызвавшие эмиграцию населения, приводят к постепенному угасанию города как политического организма, что вновь подтверждается данными раскопок; последние находки состоят из немногочисленных черепков аретинской керамики и монет Секста Помпея и Марка Антония, после чего уже никаких следов жизни не обнаруживается¹⁰².

Правда, не все исследователи согласны с предлагаемой Р. Стилвеллом и Э. Сьеквистом идентификацией раскапываемого центра с Моргантиной, в частности Э. Манни¹⁰³ и М. Т. Манни Пираино¹⁰⁴ против нее возражают, но вне зависимости от того, как будет решена эта проблема, речь идет о важнейшем центре, в котором оказывается возможным проследить и догреческий период местного поселения, начиная с бронзового века, и время существования сильной греческой колонии.

Сходным образом и раскопки, проводившиеся с 1953 г. сначала Дж. Джентили, затем П. Пелагати в Наксосе, выведенном в середине VIII в. до н. э. Халкидой, выявили наличие неолитической культуры (штампованная керамика), культур начала бронзового века (погребения в пифосах), средней бронзы (серая керамика с декоративными бороздками), начала железного века (керамика «импасто» в слое, перемешанном с начальным слоем греческой колонии)¹⁰⁵. Это остатки жизни местного населения, которое после высадки греков, по свидетельству Страбона (VII, 33), отошло от моря в горы, находящиеся непосредственно за территорией Наксоса.

Новые данные, полученные при исследовании раннегреческих и догреческих слоев Гелы, Моргантины, Наксоса, приобретают обобщающий смысл в соединении с уже известными ранее фактами догреческого заселения территории Катаны, Кум, Локр, Тарента, Камарины, Сиракуз, Мегары Гиблейской начиная с неолитического периода¹⁰⁶. Они проливают свет на проблему соприкосновения местных народов и греческих колонистов, которые нередко использовали древние центры для своих поселений.

Совершенно новый аспект в изучении экономической жизни греческих колоний Запада раскрыли французские раскопки 1949—1961 гг. в Мегаре Гиблейской, казалось бы хорошо известной уже в XIX в.¹⁰⁷ Тщательное изучение обнаруженного керамического материала привело руководивших этими раскопками Ж. Валле и Ф. Вийяра к неожиданному открытию: была обнаружена керамика местного производства, тогда как ранее все исследователи почти единодушно отрицали местное керамическое производство в греческих колониях Сицилии и Южной Италии. Даже Т. Данбэбин упоминал эту гипотезу только для того, чтобы ее исключить¹⁰⁸, хотя в малом числе мо-

¹⁰¹ Allen, AJA, 78, 1974, стр. 372.

¹⁰² Sjöqvist, Serra Orlando, стр. 216.

¹⁰³ Mani, Recenti studi sulla Sicilia antica, «Kokalos», VII, 1961, стр. 15—16;

¹⁰⁴ M. T. Mani Piraino, Morgantina e Murgantina nella topografia dell'antica Sicilia orientale, «Kokalos», V, 1959, стр. 174—189.

¹⁰⁵ G. V. Gentili, Naxos, EACO, 5, 1963, стр. 383; P. Pelagatti, Naxos. Relazione preliminare delle campagne di scavo 1961—1964, «Bollettino d'arte», 49, 1964, стр. 149—165.

¹⁰⁶ J. Bérard, La colonisation de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité, P., 1957, стр. 114—285, 288—290; P. Mingattini, L. Rocchetti, Agrigento, EACO, I, 1958, стр. 148—149; M. T. Curdò-Pisano, Siracusa, EACO, 7, 1966, стр. 331.

¹⁰⁷ Местоположение города всегда легко определялось по множеству следов, сохранившихся на поверхности. К началу XX в. были установлены и частично раскопаны стены архаического периода и, следовательно, определена поверхность города — 50 гектаров. К северо-западу от стен был выявлен некрополь, к югу — следы пригорода; раскопаны отдельные элементы города, раскрыты следы неолитического поселения на его территории (J. Bérard, Le colonisation greque..., P., 1941, стр. 125—126; P., 1957, ed. 2, стр. 114).

¹⁰⁸ T. J. Dunbabin, The Western Greeks, Oxf., 1948, стр. 261.

гущественных колониях Южной Франции и Восточной Испании такое производство было известно, и еще Б. Паче считал естественным предположить, что большая часть греческого производства терракоты и ваз, находимых в Сицилии, должна относиться к собственно сицилийскому производству¹⁰⁹. Общепринятое мнение базировалось на том, что весь керамический материал, если он идентифицировался, оказывался импортом из Балканской или Островной Греции. Такая закономерность, по мнению Валле и Вийяра, может быть объяснена тем, что все предшествующие исследователи керамического материала основывались на находках, сделанных в некрополях и святилищах, где импортная керамика как предмет роскоши, конечно, должна была преобладать. В этом отношении не представляет исключения и Мегара Гиблейская: могилы и votive хранящиеся содержат почти исключительно импортную керамику. Что же касается жилого центра, там картина совершенно иная: местная керамика намного обильней импортной и появляется она вскоре после же основания колонии¹¹⁰. После этого открытия был установлен местный характер значительного числа сосудов, открытых в Мегаре Гиблейской ранее, но не идентифицированных, и в ряде случаев пересмотрено происхождение керамики, считавшейся безоговорочно импортной.

Большой материал, сосредоточившийся в руках исследователей, позволил проследить и эволюцию этой местной керамики, которая, как оказалось, следовала эволюции всей греческой керамики VII в. до н. э.: от полихромии, основанной на светло-коричневых тонах фигур, обведенных темными штрихами, которые используются также для прорисовки внутренних деталей, к обогащению палитры использованием красного, темно-коричневого, желтого и белого цветов, затем (в 640—630 гг.) к появлению гравировки в ущерб цвету, что подготовило в конечном итоге слияние этой живописи с чернофигурной техникой: полихромность сначала уменьшается до трех основных цветов (светло-коричневого, красного, черного), затем вообще исчезает, уступая место имитации чернофигурной коринфской керамики¹¹¹. По своей форме сосуды также большей частью имитируют греческий импорт, причем в соответствии с явным преобладанием импорта коринфских типов. Нередко имитация и в росписи и в форме сосуда настолько близка к моделям, что различить их возможно выявлением местной глины¹¹². Помимо доказательств, строящихся на анализе самой керамики, большое значение приобретает находка архаической гончарной печи непосредственно на территории Мегары Гиблейской¹¹³.

Аналогичные наблюдения о наличии местного производства почти одновременно были сделаны Л. Бернабо Бреа на материале агоры Сиракуз¹¹⁴, в результате чего был переатрибутирован ряд сосудов из детально исследованного еще в прошлом веке некрополя Фуско Сиракузах, ранее ошибочно приписывавшихся кикладским или ионическим мастерским¹¹⁵.

Новый подход к керамическому материалу определил целую серию открытий того же плана и во всех остальных греческих и ряде местных центров Сицилии. Начиная с 1952 г. в Геле были обнаружены сначала местные мастерские, производившие высокохудожественные образцы ваз, имитировавших итальянский и греческий импорт, и затем несколько гончарных печей архаического и эллинистического периодов¹¹⁶.

¹⁰⁹ B. P a c e, *Arte e civiltà della Sicilia antica*, vol. III, Roma, 1946, стр. 461.

¹¹⁰ G. V a l l e t, F. V i l l a r d, *Mégara Hyblaea. La céramique archaïque*, P., 1964, стр. 189; F. V i l l a r d, *La céramique polichrome de Mégara Hyblaea*, «Kokalos», X—XI, 1964—1965, стр. 603.

¹¹¹ V a l l e t, V i l l a r d, *Mégara Hyblaea...*, стр. 139—199; V i l l a r d, *La céramique polichrome...*, стр. 604—607.

¹¹² V a l l e t, V i l l a r d, *Mégara Hyblaea...*, стр. 139, 143—199.

¹¹³ F. V i l l a r d, *Un fou de potier archaïque à Mégara Hyblaea*, C. r. Acad. Inscr., 1952, стр. 120—122.

¹¹⁴ L. B e r n a b o B r e a, NS, I, 1947, стр. 196.

¹¹⁵ V a l l e t, V i l l a r d, *Mégara Hyblaea...*, стр. 139.

¹¹⁶ P. O r l a n d i n i, *Vasi filiaci trovate nel territorio di Gela*, «Bolletino d'arte», 1953, стр. 76—79; D. A d a m e s t e a n u, *Vasi gelesi arcaici di produzione locale*, «Archeologia classica», V, 1953, стр. 244—248; A d a m e s t e a n u, *Nouvelles fouilles...*, стр. 44—45; G r i f f o, *Recenti scavi...*, стр. 155.

Затем следуют открытия в Наксосе ¹¹⁷, Леонтине ¹¹⁸, греческой Липаре ¹¹⁹, Гимере ¹²⁰, Моргантине ¹²¹, Камарине ¹²², которые показывают, что местное производство, имитирующее греческую привозную керамику, начинается с самого основания колоний. Особенно важны находки, наряду с керамикой, также матриц для ее производства, (Гимера, Камарина, Наксос) и гончарных печей и мастерских (Моргантина, Камарина, Наксос). В Моргантине гончарные мастерские обнаружены к западу от агоры, но раскопки их еще не производились. В Камарине в 1968 г. раскопана большая печь с богатейшим складом терракотовых статуэток, матриц и сосудов. Но особенно интересный материал дает Наксос. Еще в начале 60-х гг. там было обнаружено три печи — две круглые в плане и одна прямоугольная, возможно, для обжига черепицы и архитектурной терракоты ¹²³. В 1967—1968 гг. вокруг этих печей под трехметровым наносом Паолой Пелагати выявлен обширный (около 1000 кв. м) квартал керамистов, возникший в середине VI в. до н. э. и просуществовавший до конца V в. до н. э. Помимо печей раскопано несколько помещений для обработки глины. Рядом найдено большое количество не окрашенной керамики, глиняных статуэток и антефиксов различного типа (пальметками, женскими головами, силенами), а также несколько матриц для фигурок и антефиксов ¹²⁴. Эта находка позволила приписать Наксосу ту серию типов, многочисленные реплики которой известны в разных центрах, особенно Сиракузах и Камарине ¹²⁵. Следовательно, продукция Наксоса шла не только на местный рынок, но достигала и других городов Сицилии, подчас достаточно от него удаленных.

Имитация греческой керамики была выявлена и в большинстве местных центров ¹²⁶. Особенно значительным оказалось производство Бутеры, где при раскопках некрополя наряду с обильной керамической продукцией, определяемой по глине и декору как гельская, обнаружен ряд сосудов, которые и по глине и по менее тщательному выполненному декору должны быть отнесены к производству самой Бутеры ¹²⁷. Исключительно интересный материал дали раскопки в небольшом местном поселении Скорнавакке, впервые обнаружившие самый настоящий квартал керамистов ¹²⁸.

Подобным же образом и в Южной Италии сосуды из некрополя Кум, происхождение которых считалось неясным ¹²⁹, были отнесены к местному производству «протокоринфской керамики, сходному с местным производством керамики из некрополей соседней Сицилии ¹³⁰. В Метапонте в 60-х гг. наряду с местной керамикой были обнаружены и печи для ее изготовления ¹³¹.

Таким образом, на обширном материале греческих и эллинизованных местных центров было подтверждено наличие в Южной Италии и Сицилии местного производства, имитирующего греческий импорт.

¹¹⁷ Griffio, *Recenti scavi...*, стр. 145, P. Pelagatti, *L'attività della soprintendenza alle antichità della Sicilia orientale fra il 1965 e il 1968*, «Kokalos», XIV—XV, 1968—1969, стр. 351—352; H. Metzger, *Bulletin archéologique*, REG, 86, 1973, стр. 380.

¹¹⁸ Griffio, *Recenti scavi...*, стр. 148.

¹¹⁹ L. Bernabò Brea, *Lipari nel IV s. a. C.*, «Kokalos», IV, 1958, стр. 140.

¹²⁰ N. Bonacasa, *I risultati delle ultime campagne di scavo ad Himera*. «Kokalos», XIV—XV, 1968—1969, стр. 225; H. Metzger, *Bulletin archéologique*, REG, 85, 1972, стр. 104—105.

¹²¹ Allen, *AJA*, 78, 1974, стр. 370.

¹²² Pelagatti, *L'attività della soprintendenza...*, стр. 354.

¹²³ Griffio, *Recenti scavi...*, стр. 145.

¹²⁴ Pelagatti, *L'attività della soprintendenza...*, стр. 351; H. Metzger, *Bulletin archéologique*, REG, 86, 1973, стр. 380.

¹²⁵ P. Pelagatti, *Antefisse, sileniche siceliote*, «Croniche di Archeologia e d'Arte», 1965, № 4, стр. 79.

¹²⁶ См. прим. 41—53.

¹²⁷ Adamesteanu, *Nouvelles fouilles...*, стр. 157.

¹²⁸ A. Di Vita, *Scornavacche*, *EACO*, 7, 1966, стр. 275.

¹²⁹ Bérard, *La colonisation...*, стр. 292.

¹³⁰ Там же, стр. 182.

¹³¹ R. Chevalier, *Problèmes agraires en Grande-Grèce*, REG, 82, 1969, стр. 544.

Изменения внесли последние годы и в изучение древней урбанистики. Ф. Кастаньоли, отталкиваясь от данных старых раскопок, проводившихся еще Габричи, обратил внимание на Агригент и вопреки сложившемуся мнению о хаотичности и беспланоности Агригента предложил на основе аэрофотографий и материалов раскопок первый эскиз его древнего городского плана¹³².

Это дало толчок изучению урбанистики Агригента. Начатые в 1953 г. раскопки П. Гриффо в сочетании с исследованиями с воздуха, предпринятыми Дж. Шмидтом, дали точный план древнего города, оказавшегося построенным по Гипподамовой схеме и представившего один из лучших образцов воплощения этой схемы в античном мире¹³³.

В прекрасной сохранности дошел до нас эллинистический квартал IV—III вв. до н. э., раскопанный на поверхности более 10 тыс. кв. м в местечке Сан Николо, находящемся на месте центра древнего Агригента. Несмотря на радикальные изменения римского времени, непрерывность жизни засвидетельствована здесь вплоть до IV—V вв. н. э. Это опровергает ранее существовавшее мнение о том, что Агригент после карфагенского разрушения в 406 г. до н. э. полностью возрожден не был¹³⁴.

В римско-эллинистическом квартале хорошо сохранились три длинные, параллельно идущие на расстоянии 30 м кардины шириной по 4 м, вливающиеся в декуман (ширина более 10 м), соединяющий верхний город с зоной храмов; вдоль улиц раскопаны дома разного типа — как чисто эллинистические с перистилем, так и италийского типа с атрием. Под эллинистическими конструкциями вскрыты остатки предшествующих построек — слои VI—V вв. до н. э.¹³⁵ Эти наиболее глубокие слои представляют огромный интерес для решения проблемы урбанистической организации Агригента, поскольку показывают, что восстановление города Тимолеонтом после карфагенского разрушения 406 г. до н. э. восходит к более ранней урбанистической схеме, которую, по мнению П. Гриффо, можно отнести по крайней мере ко времени после победы 480 г. при Гимере, судя по тому, что построенный тогда колоссальный храм Зевса идеально вписывается в эту схему¹³⁶. Дж. Шмидт полагает, что можно говорить даже о второй половине VI в. до н. э.¹³⁷

Таким образом, новые раскопки и аэрофотоисследования Агригента позволяют поставить проблему «Гипподамовой схемы» до Гипподама, и уже это делает их одними из наиболее значительных за последние четверть века.

Одновременно с исследованием урбанистической системы Агригента начинается изучение урбанистической схемы акрополя Селинунта (И. Маркони Бовио, Дж. Шмидт). Как и в Агригенте, урбанистической схемой оказывается схема правильных кварталов, разделенных *per strigas*, с узкими удлинненными инсулами, заключенными между декуманами и кардинами. Для внешнего города, открытого Дж. Шмидтом на холме к северу от акрополя, эта схема вырисовывается на основании аэрофотосъемки, для акрополя материалы аэрофотосъемки подтверждены непосредственными раскопками Маркони Бовио¹³⁸.

¹³² D. A d a m e s t e a n u, Cenzo sui risultati più recenti degli studi topografici ed urbanistici sulla Sicilia antica, «Kokalos», X—XI, 1964—1965, стр. 294.

¹³³ G. S c h m i e d t, P. G r i f f o, Agrigento antica dalla fotografie aeree e dai recenti scavi, «Universo», 1958, № 2, стр. 289—308.

¹³⁴ G r i f f o, Recenti scavi..., стр. 160.

¹³⁵ G r i f f o, Bilancio..., стр. 11, 12; P. G r i f f o, F. M i n i s s i, Completamento degli scavi del «Quartiere ellenistico-romano» di Agrigento, 1960, стр. 3, 4; E. D e M i r o, Il quartiere ellenistico-romano di Agrigento, «Rendiconti Acc. Lincei», 12, 1957, стр. 138—146.

¹³⁶ G r i f f o, Bilancio..., стр. 12.

¹³⁷ G. S c h m i e d t, Le ricerche sull'urbanistica delle città italiote e siceliote, «Kokalos», XIV—XV, 1968—1969, стр. 401—402.

¹³⁸ J. M a r c o n i B o v i o, Urbanistica di Selinunte alla luce degli scavi in corso, «Urbanistica», № 23, 1958, стр. 75—80; J. M a r c o n i B o v i o, Le recenti scoperte dell'archeologia della Sicilia occidentale con particolare riguardo agli scavi di Selinunte, «Atti del VII congresso internazionale di archeologia classica», II, Roma, 1961,

Как и в Агригенте, план раскопанных улиц относится к восстановлению разрушенного города уже в эллинистический период, но урбанистическая система IV в. до н. э. копирует предшествующий план города, датированный первой половиной V в. до н. э. (как можно вывести на основании ориентации стен более древних зданий и аэрофотосъемки той части города, которая лежала на холме и после 409 г. до н. э. уже не возродилась)¹³⁹. Следовательно, Гипподамова схема восстанавливается равным образом и в Агригенте, который остался греческим, и в Селинунте, попавшем в полную зависимость от пунийцев.

Аэрофотосъемке с последующим археологическим исследованием из греческих городов Сицилии подверглись также Гераклея Минойская, Гела, Мегара Гиблейская, Моргантина, Липара, Гимера, Камарина, Касмена, Акры¹⁴⁰, что дало более прочную основу для окончательного пересмотра традиционных взглядов. Мнения исследователей расходятся лишь в отношении урбанистической схемы Мегары и Гелы: П. Гриффо считает, что в Мегаре представлен ясный урбанистический план¹⁴¹, наличие которого Д. Адаместеану отрицает¹⁴²; также и в Геле, раскапывавшейся П. Гриффо и П. Орландини, по мнению этих археологов, следует говорить о Гипподамовом плане, в который идеально вписываются остатки ряда жилищ IV в., пайденных в двух зонах города, и выявленные в 60-х гг. общественные бани¹⁴³, тогда как Д. Адаместеану, напротив, полагает, что эти выводы не могут быть приняты до тех пор, пока не удастся доказать перекрещения улиц в архаической части холма Гелы¹⁴⁴. Для остальных из перечисленных городов Гипподамова система принимается всеми исследователями безоговорочно. Аэрофотосъемка позволила выявить правильные планы и в ряде эллинизованных сицилийских центров в зоне между Гелой и Агригентом: Монте Дезузино, Лаванка Нера, Монтанья ди Марцо, Монте Кавалли, Коццо Музузино, Каstellazzo ди Марианополи¹⁴⁵. Таким образом, к середине 60-х гг. становится очевидным, что западные колонии Сицилии могут «вполне справедливо претендовать на приоритет в использовании урбанистических правильных систем по отношению к „изобретению“ Гипподама, кодифицирующий труд которого испытал влияние урбанистического опыта западных колоний»¹⁴⁶.

Исследования с воздуха и частично на местности, предпринятые в Южной Италии (Метапонт, Кавлония, Пестум, Неаполь, Помпеи, Локры, Кумы, Гераклея, Элея)¹⁴⁷ (позволяют распространить этот вывод и на ряд городов Великой Греции.

стр. 9—30; V. T u s a, L'attività della Soprintendenza alle Antichità della Sicilia occidentale nel quadriennio 1963—1967, «Kokalos», XIV—XV, 1968—1969, стр. 445; S c h m i e d t, Le ricerche sull'urbanistica..., стр. 397—400.

¹³⁹ G r i f f o, Recenti scavi..., стр. 163.

¹⁴⁰ G. S c h m i e d t, Applicazioni della fotografia aerea in ricerche estensive di topografia antica in Sicilia, «Kokalos», III, 1957, стр. 48—30; D. A d a m e s t e a n u, Fotografia aerea ed i problemi archeologici della Sicilia, Spoleto, 1957; A d a m e s t e a n u, Cenno sui risultati..., стр. 296; G r i f f o, Recenti scavi..., стр. 149, 155, 156, 160; A. D i V i t a, Un contributo all'urbanistica greca in Sicilia: Casmene, «Atti del VII congresso internazionale di Archeologica classica», v. II, стр. 69—77; S c h m i e d t, Ricerche sull'urbanistica..., стр. 405—407, 410—413, 416; G. S c h m i e d t, Sguardo all'antica situazione geo-topografica di Himera, в кн.: «Himera. Campagne di scavo 1963—1965», Roma, 1970; A. B o n a c a s a, Il problema urbanistica di Himera, «Quaderno Ime'ese», Roma, 1972, стр. 1—16.

¹⁴¹ G r i f f o, Recenti scavi..., стр. 149.

¹⁴² A d a m e s t e a n u, Cenno sui risultati..., стр. 296.

¹⁴³ G r i f f o, Recenti scavi..., стр. 155, 156.

¹⁴⁴ A d a m e s t e a n u, Cenno sui risultati..., стр. 295, 296.

¹⁴⁵ D. A d a m e s t e a n u, Note di topografia siceliota, «Kokalos», IX, 1963, стр. 19—48.

¹⁴⁶ A. D i V i t a, Per l'architettura e l'urbanistica greca d'eta arcaica, «Palladio», XVII, 1967, стр. 46; S c h m i e d t, Le ricerche sull'urbanistica..., стр. 419.

¹⁴⁷ F. C a s t a g n o l i, La pianta di Metaponto. Ancora sull'urbanistica ippodamea, «Atti Accad. naz. Lincei», Rendiconti, XIV, 1959, стр. 49—55; G. S c h m i e d t, R. C h e v a l i e r. Caulonia e Metaponto. Applicazioni della fotografia aerea in ricerca di topografia antica nella Magna Grecia, «Universo», 1959, 39, стр. 349—370, 993—1032; о н и ж е, Photographie aérienne et l'urbanisme antique en Grande-Grèce: Caulonia,

Сопоставление городских систем Сицилии и Южной Италии приводит Дж. Шмидта к выводу, что между планами сицилийских и итальянских городов в сущности различий нет. И в тех и в других, по мнению исследователя, переход от плана с параллельными улицами к более совершенному плану *per strigas* осуществлялся между концом VII и первой половиной VI в. до н. э. Дж. Шмидт разбирает планировку 27 городов и в 20 из них отмечает применение плана *per strigas* с очень удлиненными инсулами, обращенными короткой стороной к продольным улицам города; датировку этих планов он размещает между серединой VI и первыми десятилетиями V в. до н. э.¹⁴⁸

Может быть, еще невозможно установить с точностью, насколько эти планы соотносятся с предшествующим городским устройством и прийти к окончательным выводам в отношении принципов строительства колоний Запада, но сама постановка вопроса становится общепринятой, хотя и наблюдаются расхождения в оценке отдельных деталей.

А. Де Вита считает, что в момент своего основания западные колонии еще не имели правильной урбанистической системы и черты «Гипподамова» плана складываются во второй четверти VI в., в процессе расширения городов как отражения политической стабильности и экономического процветания¹⁴⁹. Д. Адаместеану предлагает более дифференцированный подход. Он обращает внимание на то, что среди колоний, выведенных городами Балканской и Малоазийской Греции, нет ни одного бесспорного примера Гипподамовой системы и объясняет это тем, что они «плана не имели, потому что развивались волнами, растекаясь стихийно»¹⁵⁰. И в то же время все без исключения исследованные до сегодняшнего дня колонии, выведенные греческими колониями Сицилии, показывают неоспоримое наличие правильного прямоугольного плана с самого начала своего основания: и колония Мегары Селинунт, и Агригент, выведенный Гелой, скорее всего плана не имевшей, дают шедевры Гипподамовой урбанистики¹⁵¹.

Причем закономерность эта относится не только к колониям, заново выведенным греческими колониями Сицилии: те местные поселения, которые, находясь вокруг них в радиусе 30—40 км, постепенно трансформируются между VI и V вв. в полисы, также принимают при этом правильный городской план¹⁵². За пределами этих зон, даже там, где отмечены какие-то следы греческого проникновения, никакого плана не обнаруживается, т. е. лишь те *choroi*, которые расположены поблизости от греческих колоний, преобразуются в полисы¹⁵³.

Окончательное решение вопроса о принципах урбанистического развития греческих колоний Сицилии станет возможным лишь после завершения археологического исследования городов, вызывающих различия в оценках исследователей, но уже сейчас рисуется картина, резко отличающаяся от представлений, господствовавших в науке еще два десятилетия назад.

Некоторые неожиданности принесли и раскопки храмов в сицилийских колониях Греции, в изучение которых, казалось, могли вноситься лишь уточнения, но не пересмотр устоявшихся взглядов.

Представление о сицилийской архитектуре архаического периода как об архитектуре чисто дорической было впервые нарушено в самом начале 50-х гг. раскопками П. Гриффо в Геле: к западу от дорических храмов восточной части гельского холма

Metaponte, «Revue archéologique», 1960, I, стр. 1—32; F. Castagnoli, Recenti ricerche sull'urbanistica ippodamea, «Archeologia classica», XV, 1863, стр. 180—197; G. Schmiéd t, F. Castagnoli, Topografia aerea e ricerche archeologiche. Il complesso urbanistico di Paestum, «Universo», 35, 1955, стр. 117—128; Schmiéd t, Le ricerche sull'urbanistica..., стр. 400—405, 409—412, 414, 415.

¹⁴⁸ Schmiéd t, Le ricerche sull'urbanistica..., стр. 417—419.

¹⁴⁹ Di Vita, Per l'architettura..., стр. 3—60.

¹⁵⁰ Adamesteanu, Cenno sui risultati..., стр. 296.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же, стр. 296 сл.

была раскопана цистерна, из которой извлечены две ионические капители из мягкого камня¹⁵⁴.

Затем одна за другой следуют находки в Мегаре Гиблейской, Моргантине и Сиракузах. В Мегаре Гиблейской раскопками Ж. Валле и Ф. Вийяра выявлен обильный материал ионических украшений, скорее всего относящихся к сокровищницам VI в. до н. э. Это мотивы, оригинально трактованные крупными листьями и волотами, известными в восточных греческих полисах второй половины VI в. до н. э.¹⁵⁵ Открытый в 1959 г. небольшой дорический храм также показал наличие ионического элемента: ионические карнизы с ложными стоками в виде львиных голов¹⁵⁶. Несколько позднее, в 1963 г. во дворе гимнасия III в. найден относящийся к архаическому времени фрагмент эолийской капители, также доказывающий очевидность ионического влияния на дорийские города Восточной Сибири в середине VI в. до н. э.¹⁵⁷

К 60-м гг. относятся открытия двух ионических храмов — в Сиракузах и Моргантине. В Сиракузах это периптер 23×56 м с шестью колоннами на фасаде и по 14 на длинных сторонах, относящийся к последней трети или, может быть, даже четверти VI в. до н. э. Он раскопан в 1963 г. под зданием муниципалитета, рядом с дорическим афинейоном V в. до н. э., сходным с ним по ритму и размерам постройки¹⁵⁸. Стиль ионических колонн этого храма носит малоазийский характер, что позволяет П. Гриффо искать объяснения такому нарушению общего правила господства дорической архитектуры в Сицилии в тесных связях между Сицилией и ионическим миром Малой Азии, связях, которые остаются пока еще недостаточно изученными¹⁵⁹. Ионический храм в Моргантине, открытый почти одновременно американскими раскопками, почти не отличается от сиракузского¹⁶⁰. Ярко выраженный ионический характер несут и лепные украшения моргантинского театра, также демонстрирующие наличие ионических элементов в дорическом ордере¹⁶¹. Л. Т. Шу, анализируя эти украшения (главным образом резные карнизы), приходит к выводу, что в формирующемся эллинистическом стиле оживают ионические элементы, внесенные первыми колонистами¹⁶².

Таким образом, открытия в четырех греческих центрах Восточной Сицилии позволяют установить наличие ионического влияния и поставить проблему его значимости. Это открывает возможность сопоставления с распространением ионийского влияния в ахейских колониях Великой Греции (Локрах и Посейдонии) и одновременно ставит на новой основе проблему связей с ионической Малой Азией.

Значительный интерес представляет археологическое исследование Западной Сицилии, которая всегда была наименее изученной частью острова. Раскопки греческих городов Западной Сицилии поднимают проблему взаимоотношений греков с карфагенянами, сосредоточившимися в Панорме, Мотии, Солунте. Проблема эта, на материале одних литературных источников неразрешимая, с 50-х годов впервые

¹⁵⁴ Griff o, Bilancio..., стр. 48.

¹⁵⁵ R. Martin, La decouverte des traces de la civilisation grecque dans la Sicile, «Revue archéologique», 1969, № 1, стр. 185.

¹⁵⁶ F. Villard, Un temple du VI s. à Mégara Hyblaea, CRAI, 1960, стр. 98—105.

¹⁵⁷ A. W. Van Buren, News letter from Rome, AJA, 68, 1964, стр. 383 сл.

¹⁵⁸ Marin, La decouverte..., стр. 185; Griff o, Recenti scavi..., стр. 150, 151; G. V. Gentile, Il grande tempio ionico di Siracusa. I dati topografici e gli elementi architettonici, raccolti fino al 1960, «Palladio», 17, 1967, стр. 61—84. Дж. В. Джен-тили полагает, что храм этот можно идентифицировать с Артемисионом Сиракуз и его незавершенные колонии позволяют предположить, что постройка была прервана, когда началось строительство большого дорийского Афинейона классических Сиракуз.

¹⁵⁹ Griff o, Recenti scavi..., стр. 151.

¹⁶⁰ Martin, La decouverte..., стр. 185.

¹⁶¹ E. Sjöqvist, Excavations at Morgantina (Serra Orlando), 1959, Preliminary Report IV, AJA, 67, 1963, стр. 164.

¹⁶² Lucey T. Shoe, The Architectural Ornament of the Theater at Morgantina, AJA, 66, 1962, стр. 199.

может быть поставлена на базе археологии Селинунта, Сегесты, греческих слоев пунийского Солунта и особенно Гимеры.

Зондажи и раскопки жилых домов на акрополе Селинунта, проводимые начиная с 1953 г. И. Маркони Бовио и В. Тузой, показали резкое отличие строительной техники зданий, возникших до разрушения города карфагенянами в 409 г. до н. э., от техники построек IV—III вв. до н. э. Конструктивные особенности этих последних позволяют говорить о них как о постройках скорее пунийских, чем греческих¹⁶³. И это обстоятельство, и раскопки храма пунийского типа свидетельствуют о весьма плотной карфагенской оккупации, позволяя предполагать непосредственное появление в Селинунте карфагенского ядра населения сразу же после его разрушения в 409 г. до н. э. Поэтому несмотря на восстановление города в соответствии с правильным «Гипподамовым» планом исследователи единодушно признали Селинунт 409—250 гг. городом в высшей степени пунизированным, особенно начиная с 383 г., когда он оказывается внутри карфагенской территории, что увеличивает приток пунийского населения¹⁶⁴.

Это мнение укрепилось после открытия в 1965 г. в жилом центре пунийской эпохи к северу от храма С священного участка с явно пунийским ритуалом. Одно из помещений содержит амфоры, зарытые в землю, в которых находятся обугленные остатки мелких животных, птиц, грызунов, овец. С этим помещением соединены еще два: в одном из них осуществлялось жертвоприношение, в другом, скорее всего, находились молящиеся¹⁶⁵.

В. Туза считает, что можно говорить об определенном сходстве с тофетом, хотя речь идет, конечно, не о тофете и из-за отсутствия стел и из-за удаленности от моря, возле которого тофеты обычно располагались¹⁶⁶. При продолжении раскопок было выявлено еще несколько сходных участков в других местах города и два символа Тапит в полах жилых домов¹⁶⁷. Это приводит В. Тузу к утверждению, что Селинунт IV—III вв. до н. э. можно считать самым настоящим пунийским городом, сопоставимым с Мотией¹⁶⁸.

О значительно большей пунизации, чем представлялось до последнего времени, свидетельствуют и раскопки Солунта. Возродившийся в IV в. до н. э., город хотя и отстраивается по «Гипподамову» плану, является не греческим, а пунийским и даже после римского завоевания сохраняет свои обычаи, что ясно видно из раскопок культовых мест, среди которых наиболее интересна находка святилища IV в. до н. э., посвященного Ваалу Аммону и Танит и одновременно содержащая статую Зевса¹⁶⁹. О значительности пунийского элемента свидетельствует и проведенное в 1968 г. исследование 152 могил, давших наряду с греческим инвентарем большое количество пунийских предметов¹⁷⁰.

Но особенно обширный материал дают ведущиеся в 1963 г. институтом археологии Палермского университета раскопки Гимеры, города, возникшего в зоне, которая до середины VII в. до н. э. была в руках местного населения, находясь в то же время под контролем карфагенян¹⁷¹.

¹⁶³ G r i f f o, *Recenti scavi...*, стр. 162.

¹⁶⁴ G r i f f o, *Recenti scavi...*, стр. 162; A. D i V i t a, *L'elemento punico a Selinunte nel IV e nel III secolo a. C.*, «*Archeologia classica*», V, 1953, стр. 39—47; M a r c o n i B o v i o, *Le recenti scoperte...*, стр. 9—30.

¹⁶⁵ V. T u s a, *Aree sacrificali a Selinunte e a Solunto*, in *Mozia II*, Roma, 1966, стр. 143; T u s a, *L'attività della Soprintendenza...*, стр. 444.

¹⁶⁶ T u s a, *L'attività della Soprintendenza...*, стр. 444.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же, стр. 443.

¹⁶⁹ A. W. V a n B u r c n, *News letter from Rome*, *AJA*, 69, 1965, стр. 363; V. T u s a, *Edificio sacro a Solunto*, «*Palladio*», XVII, 1967, стр. 155—163.

¹⁷⁰ V. T u s a, *Solunto*. *Nuovi contributi alla soluzione del problema storico-topografico*, «*Kokalos*», XVII, 1971, стр. 34—40.

¹⁷¹ До 1963 г. Гимера практически не раскапывалась вообще. Еще в 1961 г. единственно хорошо известным памятником этого города был храм Победы на равнине напротив моря, возможно, на месте знаменитой битвы с карфагенянами, раскопанный еще в 1929—1930 гг. И. Бовио Маркони (J. B o v i o M a r c o n i, *Imera*, *EASO*, 4,

Как Селивунт в Юго-Западной Сицилии, так на северо-западе Гимера представляла по самому своему положению греческий аванпост, выдвинутый против пунийцев. Поэтому одной из центральных задач археологического исследования было определение соотношения местных, пунийских и греческих элементов в момент основания греческой колонии. Но сначала нужно было установить точную топографию города, который по самой цели своего возникновения должен был доминировать над побережьем.

Раскопки А. Адриани раскрыли на прибрежной равнине вокруг храма Победы многочисленные архитектурные элементы, принадлежащие нескольким мелким священным зданиям, и кроме того, стратиграфическими пробами 1967 г., предпринятыми к западу от холма, были обнаружены древние здания, показывающие, что поселение занимало значительную часть равнины. Однако большая часть греческого города открыта на холме¹⁷².

В первый же сезон раскопок в его северо-восточной части были вскрыты следы защитных башен и обширный священный участок, на котором раскопано три храма, остатки алтаря и часть ограды.

Самый древний из раскопанных храмов (храм А), небольшой по размерам (15,75 × 6,04 м), близок ко времени основания города или даже с ним совпадает; впоследствии на том же самом месте и с использованием структур храма А был построен новый более торжественный и обширный (30,7 × 10,6 м), относящийся, судя по остаткам керамики, к середине VI в. до н. э. и просуществовавший не менее полутора столетий. Он получил название храма В. Вдоль его южной и восточной сторон найдено большое количество фрагментов фигурной полихромной терракоты от метоп, фронтонов и акротериев храма (протомы коней и кошек, многочисленные копыта коней и быков, тела и лапы больших кошек, группы борющихся зверей, многочисленные фрагменты человеческих фигур). В 22 метрах к северу от храма В раскопан храм С (14,3 × 7,15 м), датируемый первым десятилетием V в. до н. э., а в 32 метрах к востоку — остатки монументального (13,1 × 5,6 м) алтаря, относящегося, как и храм В, к VI в. до н. э.¹⁷³

Исследование храмовой зоны подняло две важные проблемы.

Во-первых, за стеной храма А обнаружен большой монолитный куб из известняка с круглым углублением на передней стороне. Поскольку там, где он примыкает к стене святилища, отсутствует облицовка из терракотовых плит, покрывающая остальные части святилища, то ясно, что куб этот существовал до храма А, и был оставлен на месте при строительстве не только храма А, но и храма В. Следовательно, он имел священный характер и, значит, можно говорить о наличии догреческого культа на этом месте¹⁷⁴. Но тогда это след того догреческого присутствия, которое пока не засвидетельствовано никакими другими материалами¹⁷⁵. Функции этого куба неясны, хотя очевидно, что выемка глубиной 8 и диаметром 56 см предназначалась для какого-то священного предмета. А. Адриани полагает, что это мог быть

1961, стр. 120). Следы города на плоскогорье были видны по руинам стен, по многочисленным фрагментам керамики, находимым во время сельскохозяйственных работ, и по наличию трех некрополей: в Бурроне дель Гатто в западной части равнины Гимеры, в Скаччаниддокки — на юге, и в Пеставеккья ди Рочелле — на прибрежной полосе за рекой Гимерой. Случайные находки и разведки на поверхности давно уже толкали на поиски города на плоскогорье, доминировавшем над побережьем, но где точно мог быть расположен этот город, до аэрофотосъемки, проведенной в 1963 г., оставалось неизвестным (A. d r i a n i, Scavi di Himera (1963—1967), «Kokalos», XIII, 1967, стр. 222).

¹⁷² A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 220, 221.

¹⁷³ Там же, стр. 224, 225; B o n a c a s a, I risultati delle ultime campagne..., стр. 214—223; N. B o n a c a s a, L'area sacra, в кн. «Himera, Campagne di scavo 1963—1965», Roma, 1970.

¹⁷⁴ A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 225 сл.

¹⁷⁵ Следы древнейшего поселения в районе Гимеры выявлены П. Бовио Маркони в Монте Кастеллаччо, значительно западнее греческого города (A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 217), но предшествовало ли какое-либо местное поселение непосредственно Гимере, пока сказать трудно, как так следы его могут быть скрыты на обширном периметре пока еще неисследованной части археологической зоны (там же, стр. 223).

деревянный пиластр. Но тогда куб можно было бы интерпретировать как бетил, расположенный в центре священной ограды, которая в дальнейшем оказалась полностью или частично занятой греческими храмами, и следовательно, можно было бы говорить о пуническом культе, предшествующем основанию Гимеры¹⁷⁶. Гипотеза Адриани, хотя она и базируется на достаточно зыбких основаниях, находит, однако, параллель в пунийском названии этого греческого города¹⁷⁷. Таким образом, можно говорить о наличии догреческой культовой площадки, принадлежность которой, оставаясь неизвестной, могла быть и пунической.

Второй круг вопросов, поставленных раскопками храмов, затрагивает проблему негреческих влияний на жизнь города. Все три храма и по распределению помещений, и по пропорциям не следуют канону греческой храмовой архитектуры. Например, храм А состоит из двух помещений: одного — обширного с входом между двумя антами на востоке, второго — намного меньшего, вход в которое расположен между двумя антами в центре западной стороны первого помещения. Стены его сложены из крупной речной гальки, смешанной с землей и каменной крошкой, и защищены в нижней части внешней стороны тщательно выровненным рядом терракотовой черепицы, расположенной ребром. Не имеют греческого плана и два других храма¹⁷⁸. Таким образом, храмы Гимеры дают «новые элементы для изучения той храмовой сицилийской архитектуры, которая частично складывается вне греческих форм, может быть, в фарватере древних местных традиций¹⁷⁹. Для основательного изучения этой проблемы еще не хватает материала, но важна сама возможность ее постановки.

К западу от священной зоны начиная с 1965 г. систематически исследуется обширный сектор поселения, выявленный зондажами 1963 г.¹⁸⁰ Удается, хотя и в неодинаковой мере, проследить основные фазы истории города. От структуры города VII — VI вв. до н. э. сохранились незначительные, но вполне надежные следы, показывающие, что ориентация стен зданий заметно отлична от ориентации более позднего поселения, но совпадает с ориентацией храмов священного участка (доказательство их синхронности)¹⁸¹. К первым десятилетиям после основания города относятся также отдельные фрагменты керамики, найденные еще Маркони при раскопках храма Победы, и наиболее древняя утварь некрополя Пеставеккья¹⁸². Но поскольку раскопки некрополей в сущности еще не начинались¹⁸³, материал этот не дает последовательной картины развития города VII — VI вв. до н. э. Единственно компактной группой материалов этого периода являются находки, сделанные в вотивном хранилище храма А¹⁸⁴.

¹⁷⁶ Adriani, Scavi di Himera, стр. 226.

¹⁷⁷ Само название Гимера, исключаящее греческую этимологию, пунийское, оно означает «бурлящее», что могло бы соответствовать тому греческому названию Θέρμοι, которое утвердилось за целебными источниками, лежащими к западу от Гимеры. «Если принять такую этимологию, — утверждает А. Адриани, — то ее следовало бы рассматривать как отголосок преобладания пунийцев на территории между целебными источниками и местом возникновения греческой Гимеры» (Adriani, Scavi di Himera...) стр. 217).

¹⁷⁸ Adriani, Scavi di Himera..., стр. 225 сл.

¹⁷⁹ Там же, стр. 225.

¹⁸⁰ Там же, стр. 224, 225, 229; Bonasasa, I risultati delle ultime campagne..., стр. 223—226; E. Soly, L'abitato, в кн. «Himera, Campagne di scavo 1963—1965», Roma, 1970.

¹⁸¹ Adriani, Scavi di Himera..., стр. 230—231.

¹⁸² Там же, стр. 224; C. A. Di Stefano, La necropoli, i saggi di scavo, catalogo dei rinvenimenti sporadici, в кн. «Himera, Campagne di scavo 1963—1965», Roma, 1970.

¹⁸³ Некрополь Бурроне дель Гатто вообще никогда не исследовался, Пеставеккья был лишь весьма поверхностно затронут кратковременными раскопками 1926—1927 гг., Скаччапидокки — зондажами, производившимися в его зоне в 1963 г.

¹⁸⁴ В этом хранилище были обнаружены сосуды субгеометрического и ориентализирующего стиля, родосская и ионическая керамика VII в. до н. э., в меньшем количестве керамика раннекоринфская и позднекоринфская, а также многочисленные металлические предметы в основном из бронзы и железа: наконечники копий, кинжалы, медные бронзовые щиты и их терракотовые имитации, две небольшие бронзовые статуи и другие предметы, среди которых особенно выделяется по исключительно тонкой ра-

Значительно лучше известен город V в. до н. э., в раскопанных секторах которого удивляет единство плана, заставляющее предполагать, что город V в. возникает внезапно на месте более древнего поселения и значительно выходит за пределы этого последнего. Раскопанный комплекс предстает как большой прямоугольник (148 × 32 м), расположенный по главной оси в направлении запад — восток; инсулы 16 × 16 м отделены друг от друга узкими улицами, в то время как по северной и южной стороне проходят улицы шириной 5,5 м¹⁸⁵.

В этом городе V в. можно проследить фазы последующих переделок. Строительная техника становится все более простой и непрочной, при строительстве новых зданий нередко используются сохранившиеся части старых. В кладке стен можно выделить три различные техники: кладку прямоугольными известняковыми плитами более или менее крупных размеров; очень тщательную кладку мелкими квадратными блоками, аналогичную той технике, в которой построен храм C, и применяемую исключительно редко, и кладку из гальки, каменной крошки и земли. Применение земли в качестве связующего материала в большей или меньшей степени встречается во всех трех техниках, но особенно в последней¹⁸⁶.

В домах жилого квартала, помимо обильной импортной и местной керамики, найдено значительное количество фигурной терракоты, среди которой несколько фрагментов терракотового рельефа (один из них со Сциллой), а также светильников, железных и бронзовых орудий, декоративных элементов из бронзы, матриц, монет. Монеты позволяют датировать здания временем между 450 и 409 гг. до н. э., т. е. последним периодом существования греческой колонии¹⁸⁷. Дают они также косвенный материал для суждения о масштабах греческого влияния: на серебряных гимерских тетрадрахмах первых десятилетий V в. до н. э. изображается нимфа Гимера рядом с бьющим из земли фонтаном и Силен, умывающийся под этой струей. Данное изображение, считает А. Адриани, наводит на мысль о том, что по крайней мере после победы 480 г. до н. э. зона целебных источников, находившихся западней Гимеры, была под влиянием или даже в руках Гимеры¹⁸⁸.

Начинают исследоваться также торговые связи греческого города. Гимера с ее портом в устье реки Гимеры должна была сосредоточить в своих руках тирренскую торговлю с Южной Италией, Карфагеном, Испанией. Однако ответ на вопросы о торговых связях Гимеры должен дать главным образом инвентарь некрополей, а они еще ждут исследования. Что касается тех керамических и бронзовых изделий, которые обнаружены на территории самого города, количество их недостаточно для окончательных выводов, но уже могут быть намечены связи с Балканской Грецией и Востоком. Особенно интересна небольшая фаянсовая фигурка обнаженного мужчины восточного типа из вотивного хранилища храма A¹⁸⁹.

К интересным выводам пришла на основе анализа облицовки храмов E. Эпифания: более архаическая облицовка храма B, датируемая временем между 550 и 530 гг., может быть сопоставлена с моделями Восточной Сицилии (Леонтина, Монте Сан-Мауро, Мегара Гиблейская), тогда как вторая серия облицовки того же храма, относящаяся к первым десятилетиям V в. до н. э., обращается в каких-то своих элементах к малоазийской Ионии, и в возникшем в те же годы храме C чувствуется влияние Этрурии

боте золотая пластина с изображением летящей или бегущей горгоны (A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 224, 226; B o n a c a s a, I risultati delle ultime campagne..., стр. 214 сл.).

¹⁸⁵ A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 230; B o n a c a s a, I risultati delle ultime campagne..., стр. 214 сл.

¹⁸⁶ A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 231; B o n a c a s a, I risultati delle ultime campagne..., стр. 223 сл.

¹⁸⁷ A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 231; B o n a c a s a, I risultati delle ultime campagne..., стр. 225; A. T u s a C u t r o n i, Le monete, в кн. «Himera, Campagne di scavo 1963—1965», Roma, 1970.

¹⁸⁸ A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 218.

¹⁸⁹ Там же, стр. 226.

и Кампани. Иными словами, в начале V в. до н. э. Гимера включается в горизонты широчайшего диапазона ¹⁹⁰.

Можно сделать некоторые предварительные выводы и о политических контактах Гимеры и Селинунта, на которые намекает широкое распространение архаической драхмы Гимеры на селинунтской территории. Хотя документация еще недостаточна, однако, как полагает Манни, вполне допустима гипотеза о гимеро-селинунтском союзе: две колонии, составляющие южный аванпост греческого мира Сицилии, должны были быть друг с другом солидарны. Союз этот, возможно, действовал и для защиты от агрессивной политики Агригента, которого Гимера не могла не опасаться со времен предприятия Фаларида, и видимо, не случайно с победой 480 г. над карфагенянами прямые контакты Гимеры и Селинунта не прекращаются (мы встречаем селинунтский обол в сокровищнице гимерских монет, а гимерскую дидрахму и чеканившуюся с 472 г. тетрадрахму в Селинунте) ¹⁹¹.

Помимо изучения греческой колонии, прекратившей свое существование в 409 г., от раскопок Гимеры следует ожидать прояснения вопроса о том, в какой связи с Гимерой находится история Терм, основанных карфагенянами в 407 г. на месте горячих источников. Ряд исследователей полагает, что после основания карфагенской колонии греческие беглецы из Гимеры заняли в ней преобладающее по сравнению с карфагенскими колонистами положение. Вывод этот основан как на свидетельствах античных авторов о том, что многие гимерские беглецы нашли там убежище, так и на самом названии карфагенского города — *Θέρμα Γίμερῶν*. Существует и другая интерпретация, которой придерживается, в частности, А. Адриани: греки могли просто овладеть карфагенской колонией вскоре после ее основания, и это создало возможность для возвращения туда жителей разрушенной Гимеры — таким образом становится приемлемым считавшееся ошибочным включение Диодором Гимеры в число городов, получивших право на восстановление по договору 405 г. до н. э. ¹⁹²

От римской эпохи обнаружены остатки сельского жилища или виллы на северном склоне Пьяно дель Тамбурино, а также дома, расположенные в долине Гимеры вдоль южной стороны храма *B*, частично построенные из материалов храма ¹⁹³.

Таким образом, хотя большая часть Гимеры и ее некрополей еще не раскопана, важно, что поселение, ранее археологически совершенно не известное, выявлено в основных компонентах и охватывает весь диапазон жизни обоих городов на протяжении всего античного периода.

В результате всех этих исследований, особенно последнего десятилетия, значительно обогатились наши знания о греко-пунийских контактах и взаимных влияниях двух цивилизаций. Масштабы пунийской цивилизации в Западной Сицилии оказались намного значительней, чем это представлялось еще в начале 60-х г. И вместе с тем сама эта цивилизация неотрывна от греческих влияний, как показали раскопки финикийских городов в те же 60-е г. В Мотии греческая керамика обнаруживается со второй половины VIII в. до н. э. ¹⁹⁴; в архаическом некрополе Панорма — с конца VII в. до н. э. ¹⁹⁵; в Эроче — с последней четверти VI в. до н. э., т. е. как раз со времени перехода этого центра в руки пунийцев ¹⁹⁶. Наряду с импортом керамики прослеживается (на материале части финикийской терракоты Мотии и по крайней мере на трех фигурных стелах из тофета Мотии) ¹⁹⁷ и прямое воздействие греческого

¹⁹⁰ E. M a n n i, Imera nella leggenda e nella storia «Istituto italiano di numismatica. Supplemento al volume XV—XVI degli „Annali“, Roma, 1971, стр. 100.

¹⁹¹ Там же, стр. 97—98.

¹⁹² A d r i a n i, Scavi di Himera..., стр. 219 сл.

¹⁹³ Там же, стр. 224.

¹⁹⁴ V. T u s a, L'irradiazione della civiltà greca nella Sicilia Occidentale, «Kokalos», VIII, 1962, стр. 156.

¹⁹⁵ T u s a, L'irradiazione della civiltà..., стр. 154; G r i f f o, Recenti scavi..., стр. 164.

¹⁹⁶ A. M. B i s i, Scavi e ricerche sulle fortificazioni puniche di Erice, «Kokalos», XIV, XV, 1968—69, стр. 313—314.

¹⁹⁷ S. M o s c a t i, La Sicilia nel mondo punico. Considerazioni sulle stele di Mozia, «Kokalos», XIV—XV, 1968—1969, стр. 302.

искусства на финикийское. По мнению В. Тузы и С. Москати, это составляет основную специфику пунийского мира Сицилии, резко отличного от того же пунийского мира соседней Сардинии, абсолютно независимого от греческих влияний¹⁹⁸.

Не менее интересно выявление взаимоотношений греческих колонистов Западной Сицилии с союзниками финикийцев элимами, теми самыми элимами, появление которых в Сицилии было окружено легендами еще в древности и о которых до самого последнего времени ничего достоверного известно не было. Правда, материала пока немного и в плане установления греческого влияния на элимов делаются еще только первые шаги, но заслугой современной археологии является уже то, что впервые на археологическом материале может быть поставлена сама проблема элимов. До конца 50-х годов элимские центры вообще никогда не раскапывались. В самом конце 50-х — начале 60-х г. возникает интерес сначала к Сегесте, затем Эрпиче и Энгелле, тем трем центрам, которые античная традиция считает местопребыванием элимов. Особенно широко развернулись археологические работы вокруг Сегесты — в самом городе и к северо-востоку от него на обрывистом склоне холма Монте Барбаро и у его подножья.

За пределами города, к югу Монте Барбаро, В. Туза, начавший широкое археологическое исследование всей зоны Сегесты, обнаружил на участке, богатом местной керамикой VIII — VII вв. до н. э., греческое архаическое святилище первой половины VI в. до н. э., окруженное мощными стенами. Оно охватывает площадь 87 × 43 м. Сохранившиеся фрагменты колонн и архитравов дорических храмов, входивших в это святилище, не отличаются от селиунтской архитектуры того же времени. Святилище это соединялось с верхней зоной Монте Барбаро пробитой в скале ступенчатой дорогой, от которой сохранилось 18 ступенек¹⁹⁹.

Лежащая на вершине Монте Барбаро Сегеста, судя по сохранившимся на поверхности руинам и датированному еще Маркови театру III в. до н. э., была известна как чисто эллинистический город типа Солунта²⁰⁰. Открытие пути, соединяющего плоскогорье с древним святилищем, покинутым в V в. до н. э., дало основание для поисков под слоями эллинистического города той элимской Сегесты, о которой говорит литературная традиция, но местоположение которой было неизвестно.

И действительно, тщательное исследование плоскогорья, склонов и подножия Монте Барбаро позволило В. Тузе выявить первоначальный, еще сиканский жилой центр, расположенный на Монте Барбаро и соединенный с нижней зоной, впоследствии занятой греческим святилищем. На археологическом материале удалось показать, что центр этот рано претерпевает процесс эллинизации, вещественными следами которого являются многочисленные фрагменты греческой керамики — протокоринфской, коринфской, чернофигурной и краснофигурной²⁰¹.

Такое переплетение сиканских и греческих элементов на территории чисто элимского города приводит итальянскую исследовательницу И. Маркови Бовио к новой постановке вопроса об этногенезе элимов. Она предлагает рассматривать их не как этническую группу, прибывшую в Западную Сицилию в уже сложившемся виде, а как население, сформировавшееся в самой Западной Сицилии из восточных и греческих элементов, наслонившихся на сиканский субстрат и слившихся с ним²⁰². При такой постановке вопроса, полагает П. Гриффо, греческий элемент может быть выявлен с самого начала существования города и особенно усиливается в более позднее время²⁰³. Однако, если можно согласиться с ролью элемента сиканского в формирова-

¹⁹⁸ T u s a, L'attività della Soprintendenza..., стр. 451; S. M o s c a t i, Выступление по докладу В. Тузы на II конгрессе по изучению древней Сицилии, «Kokalos», XIV—XV, 1968—1969, стр. 456, 457; M o s c a t i, La Sicilia nel mondo punico..., стр. 302.

¹⁹⁹ V. T u s a, Aspetti storico-archeologici di alcuni centri della Sicilia occidentale, «Kokalos», III, 1957, стр. 85—87; G r i f f o, Recenti scavi..., стр. 166.

²⁰⁰ T u s a, Aspetti storico-archeologici..., стр. 87.

²⁰¹ T u s a, Aspetti storico-archeologici..., стр. 88.

²⁰² G r i f f o, Recenti scavi..., стр. 166.

²⁰³ Там же.

нии элимов (что по сути дела не противоречит традиции, говорящей о слиянии троянцев и сиканов), то включение в элимский этногенез и греков не находит подтверждения ни в традиции ни в археологии. В этом отношении показательны раскопки Эроче, которые в элимских слоях греческой керамики не дают, хотя в слоях финикийских она становится и обильной и разнообразной²⁰⁴. Таким образом, вряд ли можно идти вслед за Маркони Бовло и Гриффо в их слишком смелой гипотезе, но важно уже то, что для Западной Сицилии, всегда считавшейся чисто финикийской сферой влияния, археологически доказано греческое присутствие.

Если раскопки города и внегородского святилища больше затрагивают проблему элемента греческого, то чисто элимские материалы составляет склон и подножье Монте Барбаро. Раскопки В. Тузы на этом холме ежегодно дают тысячи фрагментов керамики, которую, видимо, сбрасывали вниз с плоскогорья Сегесты²⁰⁵. Среди фрагментов — более трехсот с граффити²⁰⁶. Короткие надписи на неизвестном языке принято считать элимскими.

Начиная с первой публикации этих материалов²⁰⁷, граффити привлекли внимание исследователей к проблеме элимского языка, который, даже не будучи дешифрован, мог бы помочь решить вопрос о происхождении элимов. Значительный удельный вес сегестских сосудов с граффити по сравнению с обычно находимой керамикой и их символика (пятиконечная звезда, клесидра, двойной топор, сетка), приводят В. Тузу и вслед за ним Р. Амброзини к выводу о том, что эти сосуды использовались в культовых целях, а поскольку сфера культа способствует консервированию языка даже в другом языковом окружении, то выявление языковой среды, родственной языку сегестских граффити, должно выявить их прародину²⁰⁸. М. Дуранте²⁰⁹, О. Паранджели²¹⁰ и Дж. Алессіо²¹¹ полагают, что анализ граффити позволяет говорить о связях с итальянскими языками, т. е. идут за Геллангом и Дионисием Галикарнасским, согласно которым из Бругия и Лукании в Сицилию было два вторжения — тесниных энотрами элимов и затем авзонов под предводительством Сикела. Впрочем, один только Дуранте категоричен в утверждении о близости элимского языка к сикульскому, а следовательно и латинскому, хотя в отношении топонимости он не отрицает связей не только с лигурским побережьем, но и малоазийской средой²¹². Паранджели и Алессіо более осторожны: они подчеркивают, что хотя между сикульским и элимскими элементами существуют определенные совпадения, но имеются и такие различия, которые должны заставить нас воздержаться от слишком смелых предположений.

Напротив, сам В. Туза, а также У. Шмолл и Р. Амброзини убеждены, что язык граффити свидетельствует скорее об анатолийской, чем итальянской среде. Шмолл, который еще до находок граффити принимал мнение Фукидида, считавшего элимов выходцами из Трои²¹³, естественно, видит в этих граффити аргумент в пользу троянского происхождения элимов²¹⁴. Что же касается Тузы и Амброзини, оба они находят,

²⁰⁴ B i s i, Scavi e ricerche..., стр. 312—313.

²⁰⁵ T u s a, L'attività della Soprintendenza..., стр. 453.

²⁰⁶ После завершения сезона 1970 г. их было 324 (V. T u s a, Frammenti di ceramica con graffiti da Segesta, «Kokalos», XVI, 1970, стр. 249). Все они опубликованы В. Тузой в журнале «Kokalos» (VI, 1960, стр. 34—48, XII, 1966, стр. 207—220; XIII, 1967, стр. 233—248; XIV—XV, 1968—1969, стр. 462—467; XVI, 1970, стр. 223—249). Находки, сделанные после 1970 г., еще не публиковались.

²⁰⁷ V. T u s a, Frammenti di ceramica con graffiti da Segesta, «Kokalos», VI, 1960, стр. 34—48.

²⁰⁸ V. T u s a, Un altro gruppo di frammenti di ceramica con graffiti da Segesta, «Kokalos», XIV—XV, 1968—1969, стр. 467; E. A m b r o s i n i, Italica o anatolica la lingua dei graffiti di Segesta?, «Kokalos», XIV—XV, стр. 177.

²⁰⁹ M. D u r a n t e, Sulla lingua degli Elimi, «Kokalos», VII, 1961, стр. 81—90.

²¹⁰ O. P a r a n g è l i, Osservazione sulla lingua dei graffiti segestani, «Kokalos», XIII, 1967, стр. 19—28.

²¹¹ G. A l e s s i o, Fortune della grecità linguistica in Sicilia, Palermo, 1970.

²¹² D u r a n t e, Sulla lingua..., стр. 87—90.

²¹³ U. S c h m o l l, Die vorgriechischen Sprachen Siziliens, Wiesbaden, 1958, стр. 52.

²¹⁴ U. S c h m o l l, Zu den vorgriechischen Keramikschriften von Segesta, «Kokalos», VII, 1961, стр. 67—82.

что близость к анатолийской среде делает троянское происхождение элимов вполне вероятной, но все же только гипотезой: при современном состоянии наших знаний речь может идти лишь о подтверждении их восточного происхождения, без точной его локализации²¹⁵.

Р. Амброзини, проведя серию лингвистических сопоставлений языка сегестских граффити с элементами языков хеттского, лидийского и ликийского, характеризует его как язык анатолийского типа, считая, что в Сегесте мы наблюдаем лингвистическое и культурное койне, идущее от Малой Азии через Каир и Крит²¹⁶. В. Туза, проанализировав сами керамические фрагменты, приходит к выводу о наличии в них декоративных мотивов микенского происхождения, которые можно рассматривать в более широком плане общей археологической культуры конца кипрского геометрического и начала ориентализирующего стиля, локализуемой в эгейской среде²¹⁷.

С открытием в Сегесте перекликаются находки аналогичных фрагментов местной керамики в Эроче (зондажи 1967 г.)²¹⁸ и в Энтелле, раскапываемой с 1967 г.²¹⁹

Важным достижением элимской археологии 60-х гг. явилось, таким образом, установление типа элимской керамики, ранее неизвестного. Это расписная керамика геометрического стиля, в которой иногда встречаются мотивы явно восточного происхождения (например, цветы лотоса), и керамика черноватого цвета с нарезным декором, в которой, помимо декоративных мотивов, известных и в других местах, имеются и специфические мотивы, больше нигде не встречающиеся, среди которых особенно характерен мотив, напоминающий человеческую фигуру²²⁰.

Знание типа элимской керамики впервые дало возможность для выявления элимских поселений в местах, не отраженных античной традицией, и уже в начале 70-х гг. удается установить топографию ряда элимских центров.

Элимскую керамику стали находить начиная с 1974 г. при раскопках средневекового города в Муре Пренье. Город, никогда и никем не связывавшийся с элимами, оказался самым восточным из известных в настоящее время элимских центров²²¹.

В том же 1971 г. в первый же сезон раскопок, начатых Г. Блоешем (экспедиция Цюрихского университета) на горе Монте Иато, значительное количество обнаруженной элимской керамики позволило установить, что первое поселение на этом холме было элимским и датировать его VIII или VII веком до н. э.²²²

Элимский центр был раскрыт и раскопками начала 70-х гг. И. Тамбурелло в Маринео, где он тоже располагался на возвышенности. В элимской нарезной керамике Маринео наиболее древних слоев можно отметить большее по сравнению с другими элимскими центрами разнообразие мотивов. Начиная с VI в. до н. э. нарезная и расписная элимская керамика смешивается с многочисленными фрагментами аттического импорта²²³. Раскопки едва начались и материалы их еще до конца не обработаны, но уже сейчас ясно, что они открывают перспективы и для изучения самой элимской керамики, и для исследования восприимчивости к греческим влияниям, что особенно интересно, поскольку этот элимский центр находился в пунийской зоне.

С 1973 г. начинаются раскопки Н. Томазелло в Каstellо делла Пьетра, также давшие обилие нарезной и расписной элимской керамики, исключительно интересной

²¹⁵ V. T u s a, La questione degli Elimi alla luce degli ultimi rinvenimenti archeologici, «Atti e memorie del I Congr. Intern. di micenologia», Roma, III, 1968, стр. 1197; A m b r o s i n i, Italica o anatolica..., стр. 176.

²¹⁶ A m b r o s i n i, Italica o anatolica..., стр. 168—177.

²¹⁷ T u s a, Attività della Soprintendenza..., стр. 451.

²¹⁸ B i s i, Scavi e ricerche..., стр. 312; T u s a, L'attività della Soprintendenza..., стр. 453 сл.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ V. T u s a, Soprintendenza alle antichità della Sicilia occidentale. Scavi e scoperte, «Studi Etruschi», 42, 1974, стр. 537.

²²¹ Там же, стр. 537, 539.

²²² Там же, стр. 537; H. J. B l o e s c h, H. P. I s l e r, Monte Iato. La seconda campania di scavi, «Sicilia archeologica», 5, 1972, стр. 13—27; о н и ж е, Monte Iato, La terza campagna di scavi, «Sicilia archeologica», 6, 1973, стр. 11—24.

²²³ T u s a, Soprintendenza alle antichità..., стр. 539.

по форме и декору. Поскольку здесь хорошо прослеживается стратиграфия, сопоставимая к тому же с селинунтской, исчезает неуверенность в хронологии. Поэтому не случайно В. Туза считает, что раскопки Кастелло делла Пьетра должны дать более точные по сравнению с другими центрами данные для понимания элимской культуры²²⁴.

Наличие элимских поселений удалось установить до начала регулярных раскопок зондажами также в Полицо, Кастеллаццо, Монтеперле, Канните, Поркаре²²⁵ (см. выше, рис. 1).

Таким образом, в настоящее время известно уже 11 элимских центров — число, вполне достаточное для установления определенных закономерностей в их расположении. В отличие от пунийских поселений, обычно связанных с морем, они расположены на расстоянии от побережья и обязательно на возвышенностях, занимая горы или холмы, вершины которых образуют равнину, удобную для поселения²²⁶.

Знание такой топографической особенности открывает широкие возможности для поиска новых элимских поселений, что дает перспективы исследования цивилизации, которая интересна не только сама по себе, но и с точки зрения ее взаимодействия с греческим и пунийским мирами Западной Сицилии.

Итак, раскопки в Сицилии за последние 25 лет позволили выдвинуть или по-новому поставить ряд проблем, не имевших достаточного археологического обоснования до 50-х гг. XX в., а на одном нарративном материале не разрешимых. Можно говорить о новой постановке проблемы догреческой Сицилии и контактов местного населения с греческими колонистами, о внесении значительных коррективов в проблему взаимоотношений греков с пунийским населением Западной Сицилии, об углублении всей проблематики греческой колонизации архаического периода (включая внутреннюю жизнь колоний) в результате более широкого изучения раскапывавшихся ранее полисов и совершенно новых раскопок городов, в прошлом никогда не исследовавшихся, о пересмотре ряда сложившихся представлений в области истории искусства Сицилии и ее урбанистики.

Далеко не все перечисленные здесь проблемы могут быть в настоящее время решены на основании уже полученного археологического материала, но сама их постановка плодотворна и открывает новые возможности перед исследователями греческой колонизации Запада.

Л. С. Ильинская

²²⁴ Там же, стр. 539, 540.

²²⁵ Там же стр. 537 сл.

²²⁶ Там же.